

САДОВНИК РУИН ДВОРЦА ПЕРЕПИСАННЫХ КЛЯТВ

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланаова

**Садовник руин дворца
переписанных клятв**

«Автор»

2026

Светланова М.

Садовник руин дворца переписанных клятв / М. Светланова —
«Автор», 2026

Каждую луну Книга Связей переписывает клятвы правящего дома — и вместе с ними законы королевства. Цена нового порядка скрыта в памяти хранителей, а право выбирать принадлежит тем, чьи имена стоят на печатях. Садовница Лиора Вей умеет выращивать дома и улицы из обломков человеческих решений. Когда регент приказывает стереть её клятву, защищающую Нижний сад, исполнить приказ должен Кайр — страж Архива, привыкший считать долг чем-то отдельным от личного выбора. Чтобы спасти город от дворца, который прорастает сквозь кварталы и запирает воду, Лиоре придётся отказаться от власти создавать для людей единственно правильное будущее. А Кайру — решить, сколько памяти он готов отдать закону, который больше не считает справедливым. Атмосферное романтическое фэнтези о согласии, цене порядка и близости, которая не становится владением.

© Светланова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Сад после падения	6
Глава 2. Страж с пустой табличкой	13
Глава 3. Дом, который отказался	19
Глава 4. Цена одной памяти	27
Глава 5. Сестра против чертежа	32
Глава 6. Первая немая статья	39
Глава 7. Право на обломок	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мара Светланова

Садовник руин дворца переписанных клятв

От автора

Город кажется самым убедительным ответом на вопрос, как должны жить люди: улицы уже проложены, двери открываются в назначенные стороны, закон называет допустимое. Но всякая готовая форма хранит чьё-то решение — и слишком легко забыть спросить, имел ли этот человек право решать за остальных.

Эта история — о саде, который нельзя вырастить силой, о цене переписанного обещания и о близости, не требующей владения. Пусть её руины напоминают: незавершённость бывает не недостатком, а оставленным для другого человека местом выбора.

Глава 1. Сад после падения

Камень не хотел становиться домом.

Он лежал посреди Нижнего сада, серый, плоский, с оплавленным краем, и упрямо оставался частью рухнувшей стены. Лиора Вей уже трижды провела ладонью над выбитой на нём строкой, но ни одна буква не нагрелась. Вокруг ждали девять человек — семья, которой к вечеру предстояло либо получить крышу, либо снова ночевать под навесом красильни.

— Ещё раз, — сказала Лиора.

— Мы согласны, — торопливо ответил мужчина в прожжённом кожаном фартуке. — Все согласны. Делайте, госпожа садовница.

Слово «госпожа» кольнуло сильнее, чем ветер с Сольвы. До падения дворца садовников руин так не называли. Им выдавали медные жетоны, позволяли обрезать мох с подпорных стен и запрещали подходить к королевским камням без надзирателя. Теперь над западным склоном торчали пустые арки, а люди говорили с Лиорой так, будто вместе с кровлями на неё обрушилась власть.

Она убрала руку.

— Я слышу ваше согласие на дом. Камень — нет.

Мужчина оглянулся на жену. Та держала спящего мальчика, прижимая его к груди поверх грубой перевязи. Две девочки постарше стояли рядом с бабушкой. Ещё трое взрослых родственников теснились у верёвки, которой Тала очертила безопасный круг.

— Разве ему положено слышать? — спросила бабушка. — Он же камень.

— Ему положено различать решение.

— Решение есть. Мы останемся здесь.

Последние слова произнесла женщина с ребёнком. Тихо, почти сердито. Под ладонью Лиоры камень дрогнул.

Она опустила на колени. Земля под рабочими штанами была холодной и влажной. Дворцовый известняк пах дождём, золой и чем-то металлическим — так пахли решения, принятые в страхе и всё-таки не отданные страху целиком.

— Назовите себя, — попросила Лиора.

— Сава Нор.

— Вы решаете за себя?

— И за сына. Пока он мал.

— Что именно вы отдаёте камню?

Сава посмотрела на мужа. Тот едва заметно кивнул, и Лиора уже знала, что услышит очередную правильную формулу: согласие принять временное жильё, повиноваться правилам сада, освободить участок по требованию управы. Такие речи чиновники раздавали на площади вместе с похлёбкой. Камни их не принимали.

Но Сава нахмурилась.

— Я отдаю решение не возвращаться в Вязовую низину, даже если там скажут, что вода ушла.

По кругу прошёл ропот. Муж дёрнулся, словно хотел возразить, однако промолчал.

— Почему? — спросила Лиора.

— Потому что она снова придёт. Каждый весенний разлив нам велели чинить дамбу, и каждый раз коронный сборщик забирал дерево раньше, чем мы успевали укрепить берег. Наш дом унесло не водой. Его унесло чужим счётом. Я туда сына не повезу.

Выбитая строка зажглась под пальцами Лиоры медовым светом. Слова на камне были старыми: «Западное крыло сохранить до решения короны». Кто-то когда-то отказался снести стену без прямого приказа, и этот давний отказ узнал новый.

— Камень принял, — сказала Лиора. — Но это решение принадлежит только Саве и её сыну. Остальным нужно назвать своё.

Мужчина в фартуке покраснел.

— Я пойду за ними.

— Это обещание Саве. Не решение о вашей жизни.

— Какая разница?

— Для хорошего мужа, возможно, никакой. Для фундамента — вся.

Тала кашлянула, пряча улыбку. Она стояла за верёвкой с медным совком и мотком корневой нити на плече. Рыжая коса дважды обвивала шею, чтобы ветер не швырял её в известковую пыль.

Мужчина переступил с ноги на ногу.

— Тогда я решаю открыть здесь мастерскую. Я чиню котлы. Если мы останемся, людям понадобятся котлы.

Камень потеплел ещё немного.

Следом заговорила бабушка. Она решила учить внучек читать по вывескам, раз храмовая школа в низине погибла. Старшая девочка решила спать отдельно от младшей, и взрослые сперва засмеялись, но Лиора остановила их взглядом. Решение было маленьким, зато своим. Оно вошло в камень тонкой светлой жилкой.

Так они дошли до каждого. Один из братьев Савы признался, что не решил остаться: он собирался переночевать и уйти на север искать работу. Лиора выпустила его из круга. Дом не имел права удерживать человека ради красивой симметрии семьи.

— Теперь возьмитесь за нить, — велела она остальным. — Не тяните. Если захотите отпустить — отпускайте.

Тала размотала медную нить и обвела ею камень. Лиора нашла оплавленный край, где решение старого распорядителя оборвалось вместе со стеной, и ввела туда корневую иглу.

Сад отозвался.

Сначала из земли поднялся звук — низкий, похожий на рокот далёкой воды. Затем вокруг камня разошлись семь трещин. Из них показались бледные корни, не растительные и не каменные: полупрозрачные тяжи, внутри которых медленно двигались буквы. Каждый корень потянулся к руке того, чьё решение принял фундамент.

Лиора закрыла глаза и увидела возможные формы.

Высокая стена. Узкий дом-башня. Мастерская с жилой галереей. Три комнаты вокруг тёплого очага. Камень предлагал десятки ответов, но ни один ещё не стал верным. Её работа заключалась не в том, чтобы выбрать самый красивый. Нужно было убрать опасные, подсказать росту, где склон выдержит вес, где зимой ляжет снег, откуда принесёт дымом.

Она повернула иглу к реке, оставляя место для водостока. Корни послушались. Плита раскололась на ровные полосы; они мягко ушли в землю и тут же поднялись стенами. Из швов выбросило серые листья величиной с ладонь. Они ловили известковую пыль и становились плотнее, превращаясь в перекрытия.

Дом рос не вверх, а вширь.

— Места для мастерской не хватит, — тревожно сказал котельщик.

Лиора тоже это видела. Решение Савы было сильнее прочих: не возвращаться, защитить ребёнка, разорвать круг чужой экономии. Камень строил убежище — низкое, с толстыми стенами и единственной дверью.

Можно было надавить. Чуть повернуть иглу, соединить жилку Савы с решением мужа о мастерской, заставить рост поднять второй этаж. Лиора почти ощутила готовое движение в запястье.

— Не мешай ему быть первым домом, — тихо сказала Тала.

Лиора открыла глаза.

Помощница смотрела не на неё, а на слишком короткую стену. Будто просто рассуждала о кладке. И всё же руку Лиора отвела.

— Мастерская вырастет отдельно, — сказала она. — Когда найдём камень, который примет ваше решение.

Котельщик хотел спорить, но Сава крепче взялась за нить.

Дом закончил себя к полудню. Он получился некрасивым: приземистым, семиугольным, с выступом у северной стены, где девочки могли устроить две отдельные лежанки. Зато дымо-вой канал тянул правильно, листья на крыше сцепились без щелей, а под полом осталось сухое углубление для припасов. Когда Сава переступила порог с ребёнком, медовая строка погасла. Решение стало формой и больше не принадлежало садовнице.

Лиора вытерла иглу промасленной тряпицей. Пальцы дрожали от напряжения.

— Семь решений, один дом, — сказала Тала. — Хороший счёт.

— Восемь человек будут жить.

— Младенец пока не обязан решать, где ставить кровать.

— Я о брате Савы.

— А он не будет жить. Он уйдёт на север.

Лиора посмотрела туда, где мужчина уже помогал родным переносить узлы. Ей не нравилась пустота, оставленная в общей форме его отказом. Она привыкла смотреть на поселение сверху, как на систему дорожек: если одна обрывалась, нужно было провести другую. Иначе зимой кому-то не хватало рук, весной — пайка, ночью — места у очага.

— Ты хотела бы уговорить его, — заметила Тала.

— Я хотела бы понимать, кто будет латать крышу, если котельщик повредит руку.

— Это не одно и то же?

— Нет.

Ответ прозвучал резче, чем Лиора собиралась. Тала смотала нить и ничего не сказала.

Нижний сад шумел вокруг них. За семь недель после падения дворца на склоне выросло сорок три строения: дома из отказов покидать город, пекарня из решения трёх сестёр кормить соседей, длинный навес из обещания лодочников хранить общие сети. Между ними вились дорожки, которых Лиора не чертила. Они возникали там, где люди чаще ходили, и по утрам покрывались упругой зелёной коркой.

С высоты развалин сад казался не поселением, а кучей забытых вещей. Ни оси, ни площади, ни единого фасада. Лиора носила в рабочей сумке свёрнутый план: кольца улиц, два водосбора, общий двор, мастерские с подветренной стороны. Если следовать ему, до морозов здесь смогли бы жить три сотни человек.

Пока жили сто восемьдесят семь.

В том числе Мерра, которая приближалась по дорожке от Медников, сердито размахивая сложенным листом.

— Скажи мне, что ты этого не подписывала.

— Сначала скажи, что именно.

Мерра сунула ей лист. Старшая сестра была шире Лиоры в плечах и ниже на полголовы; от неё всегда пахло речным железом и маслом для колёс. Сегодня на левом рукаве темнела свежая водяная полоса.

Лиора развернула распоряжение. Внизу стояла печать временной управы — корона, перечёркнутая строительной чертой.

— «О направлении дворцового камня на восстановление главного дворцового контура», — прочла Тала через её плечо. — Они забирают обломки?

— Уже забирают, — ответила Мерра. — Две телеги у северной арки. Ещё три ждут грузчиков.

— Без садовника камни не укоренить.

— Поэтому внизу стоит коронный мастер и рассказывает, что ты поступаешь в его распоряжение.

Лиора перечитала последнюю строку. Там действительно значилось её имя, но не подпись. «Садовнице Лиоре Вей надлежит направить живой рост от временных построек к восстановлению Лунного дворца».

Слово «временных» было выведено особенно тщательно.

За спиной хлопнула дверь нового дома. Сава вышла без ребёнка и остановилась на пороге, вслушиваясь. Остальные тоже замедлили работу.

— Продолжайте переносить вещи, — сказала Лиора.

— Нас выселят? — спросила старшая девочка.

— Нет.

Мерра резко повернула голову.

— Не обещай того, чего не можешь решить.

— Этот дом уже вырос из их решений. Его нельзя пересадить распоряжением.

— Я не о доме. Я обо всём саде.

Лиора снова посмотрела на печать. Управе не требовалось пересаживать готовые дома. Достаточно было забрать свободные обломки, перекрыть доступ к руинам и направить новые решения на дворцовый контур. Тогда Нижний сад остановится. Перестанет расти. Переживёт первые морозы, возможно вторые, а потом дорожки сотрутся, водостоки заилются, семьи разойдутся по тем местам, где корона позволит им стать полезными.

— Покажи телеги, — сказала она.

Тала сняла с земли верёвку.

— Я с вами.

— Останься. Проверь крышу после первого остывания.

— Лиора...

— Это не поручение для ученицы. Это работа садовника.

Тала поджала губы. Она была помощницей четвёртый год и ученицей не считалась уже по меньшей мере два, но спорить при жителях не стала.

Мерра дождалась, пока они отойдут.

— Ты сейчас защитила её или оставила подальше от решения?

— Я оставила специалиста у нового строения.

— Разумеется.

Они поднялись к северной арке. Дорожка под ногами становилась твёрже, угадывая спешку, и Лиора заставляла себя идти медленнее. Живой город замечал не только слова. Он слушал повторяющиеся поступки, и потому садовник обязан был следить даже за тем, как ставит ступню.

За аркой обнаружили не две телеги, а четыре. Рабочие уже погрузили плиты с восточной галереи, предназначенные для второго водосбора. Рядом стоял мужчина в безупречно чистом сером плаще. На груди у него блестела новая должностная цепь регента — слишком лёгкая, временная, из полых медных звеньев.

Орвен Сал улыбнулся Лиоре так, словно пригласил её на заранее согласованную встречу.

— Наконец-то. Мне говорили, первый дом задержал вас.

— Первый сегодня. Сорок третий в саду.

— Тем более пора подумать не об отдельных крышах, а о целом королевстве.

Лиора подошла к ближайшей телеге и коснулась плиты. Внутри спал чей-то выбор — тяжёлый, терпеливый. Камень предназначался не ей, пока правомочный человек не отдаст решение добровольно, но она различала его направление: открыть проход в запертую часть дворца. Для водосбора подходило. Для стены — тоже.

— Кто разрешил погрузку?

— Я.

— Вы не владеете решениями в этих камнях.

— Зато корона владеет камнями.

— Сейчас нет короля.

Улыбка Орвена стала тоньше.

— Именно поэтому существует регент.

Мерра встала рядом с сестрой. Лиора почувствовала привычное облегчение и тут же рассердилась на себя за него. Мерра не была дополнительным доводом, инструментом или свидетельницей. Она пришла потому, что вода Медников зависела от этих плит.

— Второй водосбор нужен до осенних дождей, — сказала Мерра. — Без него нижние мастерские опять затопит.

— Восстановленный дворец даст работу мастерам и порядок всему склону, — ответил Орвен. — Его цистерны вместят втрое больше воды.

— Цистерны наверху, а наши дома внизу.

— Вода умеет течь под уклон.

— Если её выпускают.

Орвен перевёл взгляд на Лиору.

— Ваш план города впечатляет. Кольцевые улицы, отдельные мастерские, водяные дворы. Я изучил чертёж.

Лиора непроизвольно коснулась сумки. Свиток был на месте.

— Копия находилась в строительной управе, — пояснил он. — Вы ведь подавали расчёт материалов. Возьмите собственную схему, увеличьте внутреннее кольцо до дворцовой стены — и получите тот же город, только с сердцем.

— С троном.

— С местом, где принимаются решения.

— Решения уже принимаются. Сегодня семья решила остаться. Медники решили восстановить колёса. Лодочники — делить сети.

— Это быт, Лиора. Не правление.

Она слышала в его голосе не презрение, а уверенность человека, для которого разница была очевидна. От этого стало холоднее.

— Какое решение вы собираетесь отдать дворцовому контуру? — спросила она.

— Решение восстановить законный центр Эйрена.

— Вы вправе принять его один?

— До новой коронации — да.

Камень под ладонью Лиоры остался холодным.

Орвен заметил это.

— Иногда форма должна предшествовать согласию. Людям легче выбрать порядок, когда они видят его стены.

— Живой рост так не работает.

— Значит, ваша профессия пока не научилась работать в масштабе государства.

Рабочие у телег старательно смотрели в сторону. Лиора могла приказывать им разгрузить плиты. Половина жила в Нижнем саду; другая половина ждала мест. Они послушались бы её быстрее, чем человека с полой цепью.

И это тоже было бы решением, которое она приняла за них.

— Откуда распоряжение? — спросила Лиора.

— Из временной управы.

— В нём нет срока, перечня камней и порядка возмещения саду. Оно не годится даже для обычной кладки.

— Тогда помогите составить приложение.

— Сначала верните плиты.

— Не могу. Сегодня утром совет утвердил дворцовый контур первой стройкой королевства.

— Совет из скольких человек?

— Из тех, кому законом доверено заседать.

— По закону прошлой луны или нынешней?

Впервые Орвен перестал улыбаться. Через четыре ночи архивные хранители должны были переписать одну строку Книги Связей. Никто за пределами западной башни не знал, какую именно. После падения дворца каждое полнолуние превращалось в невидимую границу: человек ложился спать с правом на мастерскую, на лодку, на собственный порог — и не был уверен, что утром печать это право узнает.

— Закон непрерывен, — произнёс регент.

— Тогда предъявите статью, по которой совет вправе отдать вам решения людей, ещё не принятые этими людьми.

— Я не собираюсь спорить о метафорах садовников. Камни останутся на телегах до заключения Архива.

— На склоне они напитаются чужим намерением. К утру половина станет непригодна для любого роста.

Орвен помолчал, оценивая то ли риск, то ли её готовность сопротивляться.

— Хорошо. Разгрузите их у арки. Под охраной. Но с этого часа Нижний сад получает статус коронного строительного объекта. Ни один обломок не укоренят без разрешения управы. Вы сохраните должность главного садовника, если согласуете новый план до полнолуния.

— А если нет?

— Архив определит, какие ваши полномочия ещё законны.

Он развернулся и пошёл вверх, к белым палаткам временной управы. Медные звенья на его спине тихо постукивали друг о друга.

Рабочие ждали.

Лиора посмотрела на телеги. Она добила разгрузки — на одну ночь спасла плиты от испорченного роста. Цена уже проступала вокруг: люди собирались у арки, передавали новость, поглядывали на неё. Каждый хотел знать, что теперь можно строить, где жить, кому принадлежит завтрашняя крыша.

— Разгружайте на старые маты, — сказала она. — Не на голую землю. Решений не называть. Ни вслух, ни про себя, если сможете.

— А водосбор? — спросила Мерра.

— Сегодня начнём разметку без камня.

— У нас было решение людей и был материал. Теперь ты принимаешь запрет Орвена, потому что на нём печать?

— Я не принимаю. Я выигрываю время.

— Для своего плана?

— Для всех домов.

Мерра посмотрела вниз, на неровные крыши Нижнего сада.

— Это не всегда одно и то же, сестра.

Она ушла помогать рабочим, не дожидаясь ответа.

Лиора осталась у плиты с решением об открытом проходе. Если приложить иглу сейчас, пока распоряжение ещё не внесли в реестр, можно было укоренить водосбор. Закон не действовал задним числом. Орвен сам подтвердил разгрузку. Нашлось бы десяток процедурных объяснений.

Но рост услышал бы её настоящую причину: я лучше знаю, что им понадобится.

Лиора сняла ладонь с камня.

Над западной башней уже виднелась дневная луна — бледная, почти стёртая. Через четыре ночи она станет полной, и кто-то в Архиве отдаст часть собственной памяти, чтобы одна строка закона стала другой.

Внизу хлопнула дверь сорок третьего дома. Дом был тесным, семиугольным и не похожим на чертёж. Из дымового отверстия поднялась первая тонкая струя.

Лиора смотрела на неё, пока Тала не позвала её проверять остывшую крышу.

Глава 2. Страж с пустой табличкой

Страж Архива пришёл на рассвете, когда новая крыша начала плакать известью.

Лиора стояла на приставной лестнице и собирала белые капли в глиняную чашу. Первый холод всегда выгонял из живого камня лишнюю соль; если оставить её на стенах, дом к зиме покроется ломкой коркой. Внизу Тала записывала, с какой стороны выступила влага, а Сава грела воду на переносной жаровне.

— Лиора Вей? — спросил незнакомый мужчина за верёвкой.

— Если вам нужна крыша, запишитесь у Талы.

— Мне нужна ваша клятва.

Лиора посмотрела вниз.

Он был без шлема, в тёмном архивном плаще с застёжкой в виде расколотого кольца. Никакой свиты, только узкий футляр под мышкой и пустая каменная табличка в левой руке. Лицо худое, спокойное, чуть утомлённое; на висках серебро, слишком раннее для его возраста. Такие люди обычно приходили не убеждать, а удостоверять, что убеждение уже не требуется.

Тала перестала писать.

— За верёвку не заходить, — сказала Лиора.

— Я вижу знак.

— Стражи видят знаки и всё равно часто считают, что они для других.

Незнакомец остался на месте.

Это было настолько непривычно, что Лиора спустилась не сразу. Она закончила собирать соль, передала чашу Саве и только потом поставила ноги на землю.

— Кайр Эллан, — представился он. — Страж третьей печати. Я обязан вручить вам уведомление до второго утреннего колокола.

— Колокол западной башни разбит.

— Поэтому Архив считает вторым тот, что слышен от Медников.

— Удобное толкование.

— Проверяемое. Вчера его внесли в открытый журнал.

Он говорил без раздражения и превосходства. Лиоре это не понравилось сильнее, чем понравилась бы надменность: с надменностью хотя бы понятно, куда упираться.

Кайр положил пустую табличку на перевёрнутую бочку и открыл футляр. Внутри лежал лист тонкого серого камня, испещрённый строками. Он не отдал его Лиоре, а удержал на раскрытых ладонях, позволяя читать.

«По завершении ближайшей лунной переписи стереть клятву садовницы Лиоры Вей, препятствующую возвращению Нижнего дворцового склона в распоряжение короны».

Ниже стояли печать регента, знак приёмной Архива и имя исполнителя: Кайр Эллан.

— Моей подписи здесь нет, — сказала Лиора.

— Для приказа стражу она не нужна.

— Для стирания моей клятвы нужна сама клятва.

— Она зарегистрирована в Книге Связей.

Лиора не стала спрашивать откуда. Вопрос выдал бы больше, чем ответ. О клятве знали трое: она, Нэсса и хранительница, принявшая запись двенадцать лет назад. Нэсса умерла. Имени хранительницы Лиора никогда не слышала.

— Прочтите её.

— Я не уполномочен разглашать текст при свидетелях.

— Тогда вы не уполномочены обсуждать его на стройке.

Кайр осмотрелся. Сава с ковшом застыла у жаровни. На дорожке остановились двое носильщиков. Из двери семиугольного дома выглядывали девочки.

— Где вы согласны принять уведомление?

Лиора ожидала, что он потребует пройти в Архив. Там были двери, журналы, стражи и правила, толкование которых принадлежало ему. Но он спросил о её согласии — возможно, лишь потому, что процедура требовала этого слова.

— В питомнике, — решила она. — Тала, закончи осмотр.

— Я могу быть свидетелем.

— Именно поэтому останешься.

Тала недовольно прищурилась, однако взяла у Савы чашу и поднялась на лестницу.

Питомником называли двор без крыши между двумя рухнувшими галереями. Здесь Лиора хранила камни, чьи решения ещё не нашли новых владельцев. Обломки лежали на войлочных матах, разделённые дорожками. Над каждым висела деревянная дощечка: примерный возраст, место находки, направление старого выбора. «Не открывать ворота». «Отложить суд». «Оставить кухню за вдовой распорядителя». Ни один текст не был полным. Целое решение почти никогда не переживало разрушения.

Кайр остановился у входа.

— Мне можно войти?

— Если ничего не обещаете и не приказываете.

— А думать разрешается?

— Камень слышит не каждую мысль. Только ту, которую вы готовы превратить в поступок.

— Значит, человеку не всегда известно, что он уже решил.

— Для этого и нужны садовники.

— Опасная монополия.

Лиора откинула полог рабочего навеса.

— Вы пришли стирать мою клятву и решили начать с оценки профессии?

— Я пришёл уведомить вас, что получил приказ. Между получением приказа и исполнением существует проверка.

— В распоряжении сказано «стереть».

— В распоряжении много что сказано.

Он положил пустую табличку на стол. Вблизи Лиора разглядела по краям тонкую сетку насечек. Камень был не дворцовый, а архивный — белый, без прожилок, вымоченный в солёной воде так долго, что не удерживал прежних решений.

— Зачем она?

— Если приказ пройдёт проверку, на неё перенесут вашу клятву перед стиранием. Вы сверите текст. Назовёте последствия, о которых Архив может не знать. Получите время заявить возражение.

— А потом?

— Я погашу запись в Книге, табличка расколется, и клятва утратит законную силу с рассвета.

— Память о ней останется?

— У вас — да. У меня — если не она станет ценой переписи.

Кайр произнёс это так буднично, что смысл дошёл не сразу.

— Вы платите памятью за стирание чужой клятвы?

— За изменение любой строки Книги платит хранитель, проводящий перепись. Страж может стать хранителем на одну запись.

— Какую память?

— Она ещё не назначена.

— Вы собираетесь отнять у меня право и даже не решили, что отдадите сами?

— Эти действия не равны.

— Разумеется. Моё имя останется на пустой табличке, а ваше — в закрытом журнале цены.

Он впервые отвёл взгляд. Не от стыда — скорее, проверяя внутреннее возражение прежде, чем высказать.

— Имя хранителя есть в доступном реестре. Содержание памяти закрыто, потому что может касаться другого человека.

— Очень бережно.

— Иногда да.

Одно это слово сломало удобный ритм спора. Лиора ожидала защиты Архива целиком. Кайр признал исключение так спокойно, будто оставил дверь незапертой и не боялся, что она войдёт.

Лиора развернула копию приказа к свету. Печать регента была настоящей: медь проникла в камень, линии не прерывались. Знак приёмной тоже. Но между ними тянулась едва заметная тёмная жилка.

— Здесь трещина.

— След от копирования.

— Нет. След идёт против слоя.

Кайр наклонился. Они оказались по разные стороны узкого стола, слишком близко для незнакомцев и слишком далеко, чтобы обоим видеть жилку под правильным углом. Он снял застёжку плаща — расколотое кольцо оказалось увеличительным стеклом — и протянул Лиоре.

Она не взяла.

— Положите.

Его бровь чуть поднялась, но стекло легло на стол. Лиора поднесла его к строке, не касаясь руки стража.

Внутри трещины темнели крошечные буквы. Не слова — концы штрихов, будто где-то существовал второй текст, а этот лист вырос поверх него.

— Приказ укоренён, — сказала она.

— Архивные копии не растут.

— Этот рос. Недолго и под принуждением.

Кайр взял стекло после неё. Несколько мгновений молчал.

— На оригинале трещины не было.

— Вы видели оригинал?

— Видел печать на нём.

— Я спросила не о печати.

— Текст прочёл регент. Я сверял формулу исполнения.

— То есть вы не видели весь лист.

— Приказы высшего совета поступают закрытыми. Стражу показывают ту часть, которая определяет действие.

— Удобная процедура.

Теперь раздражение всё же появилось — не в голосе, а в том, как Кайр выпрямил указательный палец вдоль края таблички.

— Вы повторяете это, когда не знаете, существует ли причина правила?

— Когда правило не позволяет вам знать происхождение приказа, которым вы измените мою жизнь.

— Я знаю происхождение. Временная управа, утверждение советом, регистрация Архивом.

— Вы знаете путь листа. Не происхождение решения.

За пологом прошуршали шаги. Кто-то остановился, потом ушёл. Нижний сад уже разносил весть о приказе.

Лиора взяла корневую иглу и положила рядом с копией.

— Разрешите проверить камень.

— Каким способом?

— Коснуться иглой трещины. Не укоренять. Если внутри есть обломок решения, игла нагреется.

— Она может изменить документ?

— Может расширить трещину.

— Тогда нет.

— Вы предпочитаете целую улику проверенной?

— Я предпочитаю сначала зафиксировать её состояние.

Кайр достал из футляра лист тонкой слюды, наложил на приказ и угольным валиком снял отпечаток. Потом перевернул копию, записал время, место, имена присутствующих и показал Лиоре.

— Свидетелей не было, — сказала она.

— Были мы оба.

— Я заинтересованная сторона.

— Это не лишает вас способности видеть.

Он поставил свой знак и протянул иглу рукоятью вперёд.

— Проверяйте.

Лиора ввела остриё в тёмную жилку.

Жар ударил мгновенно. Не сильный — обломок был ничтожным, почти истёртым, — но знакомый. Вместе с ним пришло направление решения: не «стереть клятву», не «вернуть склон», даже не «подчиниться регенту».

Не допустить отказа.

Лиора отдернула руку. На среднем пальце выступил белый волдырь.

Кайр схватил её за запястье и тут же отпустил, прежде чем она успела потребовать этого.

— Простите. Ожог?

— Пустяковый.

— Игла остыла.

— Потому что решение вошло не в неё.

Лиора прижала палец к влажному краю войлочного мата. На одно мгновение ей отчаянно захотелось, чтобы Кайр согласился с ней, не задавая вопросов. Желание было чуждо её осторожности и потому особенно неприятно.

— Что вы слышали? — спросил он.

— Приказ вырос из решения не допустить чей-то отказ.

— Чей?

— Камень не называет людей.

— Возможно, речь о сопротивлении управы мятежу.

— Возможно. Или о моём праве сказать «нет».

Кайр посмотрел на пустую табличку. Белая поверхность отражала утренний свет, не сохраняя его.

— Формула приказа должна описывать законное действие, — сказал он. — Скрытое решение не является частью формулы.

— Для вас.

— Для Книги.

— Книга сделана из камня.

Молчание затянулось. Где-то в саду ударил первый колокол Медников. До второго оставалось несколько минут.

Кайр сложил отпечаток, копию приказа вернул в футляр, но пустую табличку оставил на столе.

— Вы забыли.

— Нет. Уведомление считается вручённым, когда табличка остаётся у стороны до окончания проверки.

— Значит, я должна хранить оружие собственного стирания?

— Свидетельство того, что без проверки стирания не будет.

— Кто проводит проверку?

— Я.

Лиора коротко рассмеялась.

— Исполнитель проверяет приказ, который обязан исполнить.

— Поэтому результат можно обжаловать у верховной хранительницы.

— После переписи?

— До. Если я предоставляю доступ к материалам.

— Предоставите?

Он застегнул плащ. Расколотое кольцо снова стало должностным знаком.

— Я зафиксировал аномалию. Этого достаточно, чтобы запросить полный оригинал.

— Не достаточно. Я требую проверить, кто принял решение не допустить отказа, имел ли он право решать за Нижний сад и почему это решение оказалось внутри архивной копии.

— Архив не признаёт показания садовой иглы без второго специалиста.

— Возьмите Талу.

— Вашу помощницу?

— Самостоятельную садовницу. Или найдите коронного мастера, если уверены, что он назовёт правду вопреки Орвену.

Кайр помолчал.

— Сегодня в полдень я вернусь с допуском к месту создания копии. Вы можете присутствовать как специалист. Тала Рин — как второй специалист, если письменно подтвердит отсутствие вашей власти над её заключением.

Лиора почувствовала укол: условие было справедливым и попадало точно туда, куда вчера указывали и Тала, и Мерра.

— Подтвердит.

— Это решит она.

— Да, — после паузы сказала Лиора. — Решит она.

Второй колокол прокатился над склоном.

Кайр уже шагнул к выходу, когда Лиора спросила:

— Если оригинал окажется чистым, вы сотрёте клятву?

Он обернулся.

— Если приказ законен, последствия названы, а возражения рассмотрены — я обязан его исполнить.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который страж имеет право дать до проверки.

— А Кайр Эллан?

На его лице ничего не изменилось, но теперь Лиора увидела усилие, с которым он удерживал это спокойствие.

— Кайр Эллан пока не знает достаточно, чтобы прикрывать выбор собственным мнением.

Он вышел из питомника, аккуратно обогнув каждый войлочный мат.

Лиора осталась перед пустой табличкой. Та не содержала ни букв, ни старого решения, ни обещания исхода. И всё же впервые с утра ей показалось, что пустота бывает не только угрозой. Иногда она означала место, где запись ещё можно остановить.

Глава 3. Дом, который отказался

К полудню дом Медников лежал на телеге, как вырванный зуб.

Его привезли по верхней дороге, хотя Лиора приказала перекрыть её ещё на рассвете. Шесть коронных тягловиков тащили низкую платформу, колёса которой увязали в известковой пыли. На платформе теснились три куска стены: медовая кладка, угол окна и половина очага с чёрной копотью в швах. Корни, обычно тонкие и светлые, свисали с нижних граней серыми плетями.

Впереди шёл распорядитель управы в зелёной перевязи и звонил в ручной колокол.

— Дорогу коронному имуществу!

Лиора вышла из питомника, всё ещё прижимая к обожжённому пальцу мокрую ткань.

— Остановите телегу.

Распорядитель узнал её, но сделал вид, что не расслышал. Тала шагнула на середину дороги и подняла обе руки.

Тягловики остановились сами. Дом качнулся. Из половины очага посыпалась сажа.

— Вы перекрываете исполнение распоряжения регента, — сказал распорядитель.

— Я перекрываю дорогу, которая не выдержит этот вес. Чей это дом?

— Теперь коронный.

— Я спросила, чей он был.

На телеге не было ни дощечки передачи, ни имени, ни садовой метки. Только свежая медная печать на цепи, стягивавшей обломки. Лиора подошла ближе. Серые корни поджались от её тени.

— Дом с Шестой печной улицы, — неохотно ответил распорядитель. — Владелец получил место в северном убежище. Строение предписано перенести к Медникам и укоренить как водосбор. Всё законно.

— Владелец отдал решение?

— Он получил место.

— Это не ответ.

— Распоряжение подписано управой.

Лиора подняла край цепи. Под медной печатью камень был содран до белизны. Дом не просто разобрали — его вытащили из основания, не дав корням отпустить землю.

— Кто выкапывал?

— Коронные землекопы.

— Садовник присутствовал?

— Для перевозки камня садовник не требуется.

Тала уже обходила платформу. У заднего колеса она присела и осторожно коснулась ладонью края кладки.

— Здесь ещё держится решение, — сказала она.

— Не трогай, — одновременно велели Лиора и распорядитель.

Тала убрала руку и посмотрела только на Лиору.

Этот взгляд оказался хуже возражения.

— Прости, — сказала Лиора. — Решай сама. Но без иглы и не подлезай под платформу.

Тала кивнула и достала из кармана полоску сырой шерсти. Поднесла к корням, не касаясь их. Волокна вытянулись к камню, затем резко отвернулись.

— Он не отпустил прежнюю форму. Его нельзя укоренять здесь.

— Можно, — сказал распорядитель. — Для этого вы и вызваны.

— Нас не вызывали, — заметила Лиора.

— Вас назначили.

Он протянул сложенный лист. Печать Орвена была настоящей. До заключения Архива Лиора сохраняла должность главной садовницы коронного объекта и обязана была «обеспечить сохранность и полезное применение перемещённых материалов».

Формулировка не требовала вырастить водосбор. Она оставляла достаточно пустоты, чтобы виноватой оказалась Лиора при любом исходе.

— Снимите цепь, — сказала она. — Мы уложим обломки в питомнике до выяснения владельца.

— Медники ждут воду сегодня.

— Если вы хотели дать им воду, надо было привезти камень с решением о воде.

— Камень есть камень.

Подъехавшие следом стражники переглянулись. Один из них был совсем молод и старательно не смотрел на серые корни.

— Тогда укореняйте сами, — предложила Тала.

Распорядитель побледнел.

Он знал достаточно, чтобы бояться, и недостаточно, чтобы остановиться.

— До полуденного колокола водосбор должен быть начат. Иначе Нижний сад нарушит распоряжение о снабжении. Вы обе подтвердите отказ?

Со стороны Медников уже спускались люди с вёдрами. Новость о камне обогнала телегу. Первой шла Мерра; за ней — медники, прачки, двое пекарей и старуха с пустым кувшином. Они увидели платформу и ускорили шаг.

Лиора представила сухие цистерны квартала. Вчера она сама говорила Орвену, что у неё есть добровольное решение для второго водосбора. Подходящий обломок остался за коронным ограждением, зато сейчас перед ней лежало почти достаточно кладки. Можно было снять старое направление, выжечь остаток очага солью и дать камню новое назначение. Она делала так с бесхозными дворцовыми обломками десятки раз.

Только этот дом не был бесхозным.

— Найдите владельца, — сказала Лиора распорядителю. — До его ответа камень останется на телеге.

— Владелец отбыл.

— Куда?

— В северное убежище.

— Как его зовут?

Распорядитель заглянул в лист, будто имя могло быть мелкой хозяйственной подробностью.

— Олсен Рах.

Среди медников кто-то выругался.

Мерра подошла к телеге и провела пальцем по копоти очага.

— Олсен никуда не отбыл. Его забрали утром за отказ освобождать дом.

Распорядитель сложил лист.

— Его временное местонахождение не меняет права короны на аварийное строение.

— Он жил там тридцать лет, — сказала Мерра. — После обвала один. Чинил чужие замки, пока глаза не сдали.

— Тем более северное убежище безопаснее.

— Он согласился?

— Ему разъяснили необходимость.

Серые корни дома слабо дрогнули. Лиора почувствовала решение даже без иглы — не слова, а сжатое направление, в котором вся кладка удерживала сама себя.

Остаться до возвращения дочери.

— У него есть дочь? — спросила она.

Мерра кивнула.

— Ная. Ушла с речными мастерами пять лет назад. Пишет каждую весну, что вернётся.

— Письма приходят?

— Нет.

Распорядитель развёл руками, словно отсутствие писем превращало ожидание в мусор.

— Решение утратило предмет. Дом признан аварийным. Корона предоставила владельцу замену.

— Решение может быть плохим, — сказала Лиора. — Может опираться на надежду, которую никто больше не разделяет. Но оно принадлежит ему.

— А вода нужна сотням.

Это было правдой. Оттого возражать стало труднее.

Люди Медников молчали. Пустые вёдра висели в руках, как доводы. Лиора знала, сколько раз за последние недели они поднимались к единственной цистерне. Знала, что у прачки Сейны воспалены плечи, а пекари разводят тесто водой после мытья котлов. Любое правило казалось чистым только тому, кто не платил за него жаждой.

— Снимайте, — сказала она тягловикам. — Но не к воде. На свободную площадку.

Тала резко повернулась.

— Лиора.

— Мы не укореняем. Только разгружаем, чтобы не разрушилась дорога.

— Корни держатся за телегу.

— Поэтому поднимем рамой.

Тала посмотрела на серые плети, потом на ожидающих людей.

— Я возьму левую скобу.

— Нет, ты поведёшь раму.

— У тебя рука обожжена.

— Я справлюсь.

— А я, значит, нет?

Лиора услышала ловушку слишком поздно. Любой ответ снова делал Талу либо подчинённой, либо доказательством Лиориной справедливости.

— Выбери место сама, — сказала она.

Тала встала у левой скобы.

Они установили над платформой переносную треногу. Лиора велела разложить вокруг маты, отвела людей и заставила стражников снять цепь. Медная печать лопнула с сухим щелчком. Дом вздохнул пылью.

— Поднимаем на ладонь, — сказала Лиора. — Если корни натянутся, опускаем. Без рывков.

Четверо тягловиков взялись за ворот. Тала закрепила левый ремень, Лиора — правый. Мерра стояла за чертой и вслух считала обороты.

На втором обороте кладка приподнялась.

На третьем серые корни обвилились вокруг досок платформы.

— Стоп.

Ворот замер.

— Он держится, — сказал распорядитель. — Рубите корни.

— Это не корни, которые отрастают заново.

— Тогда тяните сильнее.

— Опускаем, — приказала Лиора.

Тала уже ослабляла левый ремень, когда распорядитель выхватил у молодого стражника древко и ударил им по стопору ворота.

Зубец перескочил.

Рама дёрнулась. Правый ремень натянулся, левый пошёл вкось. Каменный угол окна повернулся на платформе. Лиора увидела, как серая плеть нырнула под скобу к руке Талы.

— Отпусти!

Тала разжала пальцы, но корень уже обмотал запястье.

Дом не нападал. Он удерживал всё, что считал частью себя.

Лиора бросилась к вороту и всем весом навалилась на рычаг. Стопор не входил в паз. Тягловики отшатнулись. Рама застонала, камень пополз к краю телеги, увлекая Талу.

— Не рубить! — крикнула Лиора молодому стражнику. — Подай клин под колесо!

Мерра оказалась быстрее. Она швырнула кувшин под обод. Глина разлетелась, колесо просело на ось, и платформа наклонилась обратно.

На одно мгновение ремни ослабли.

Лиора сунула обожжённую руку между корнем и запястьем Талы. Боль вспыхнула белым. Она нащупала не плоть растения, а решение: остаться, сохранить очаг, дожидаться. Дом принял её вмешательство за новую попытку отнять.

Внутри Лиоры поднялось привычное, почти сладкое желание заставить форму слушаться. Она знала, куда нажать корневой печатью. Одним приказом можно было разомкнуть петлю.

Цена пришла вместе со знанием: после такого приказа она ещё хуже различала бы, где заканчивается необходимость и начинается её собственная воля.

— Я не забираю тебя, — сказала она дому.

Корень стиснул сильнее.

Тала побелела, но не закричала.

— Ему не нужны слова, — выдохнула она. — Нужно действие.

Лиора поняла.

— Режьте ремни.

— Камень упадёт, — возразил распорядитель.

— Режьте!

Мерра схватила нож у тягловика. Левый ремень лопнул первым, затем правый. Куски стены рухнули на платформу. Тренога качнулась и сложилась набок. Корень отпустил Талу сразу, как исчезла тяга.

Она упала на колени.

Лиора прижала её ладонь к груди и осмотрела запястье. Кожа не была разрезана, но под ней проступал серый узор — четыре кольца, словно камень оставил собственную кладку в её крови.

— Чувствуешь пальцы?

— Все пять.

— Назови их.

— Ты серьёзно?

— Назови.

Тала по очереди согнула пальцы. На четвёртом вздрогнула.

— Безымянный болит.

Лиора потянулась за сумкой.

— Не трогай узор иглой, — сказала Тала.

— Я и не собиралась.

— Собиралась. Я видела твоё лицо.

Лиора остановилась.

Вокруг было тихо. Даже распорядитель молчал, глядя на расколотый кувшин под колесом.

— Нужно снять остаточное решение, — сказала Лиора уже не так уверенно.

— Моё тело — не твой сад.

— Нет.

— Скажи полностью.

Лиора сглотнула.

— Твоё тело не мой сад. Я не буду ничего снимать без твоего согласия.

— Тогда помоги встать.

Она подала здоровую руку. Лиора поддержала её под локоть, не касаясь раненого запястья.

По верхней дороге спускался Кайр Эллан. Он шёл быстро, рядом семенила архивная писчица с плоским ящиком. Увидев рухнувшую треногу, Кайр перешёл на бег, но остановился за проведённой на земле чертой.

— Мне можно войти?

Лиора почти рассердилась на него за вопрос, заданный посреди беды. Потом увидела, как Тала смотрит на неё.

— Решает она.

— Можно, — сказала Тала. — Не касайтесь меня. Записывайте.

Кайр вошёл и опустился на корточки в двух шагах от неё.

— Имя?

— Тала Рин, самостоятельная садовница Нижнего сада.

— Я вижу след удержания. Что произошло?

— Управа попыталась пересадить дом без решения владельца. Главная садовница распорядилась опустить камень. Представитель управы сбил стопор.

Распорядитель ожил.

— Я обеспечивал выполнение коронного распоряжения.

Кайр не посмотрел на него.

— Госпожа Рин, вы подтверждаете независимость заключения от Лиоры Вей?

Тала встретила с Лиорой взглядом.

— Подтверждаю. И подтверждаю, что Лиора сначала согласилась разгрузить дом, хотя знала: он удерживает прежнее решение.

Писчица подняла голову, ожидая возражения.

— Записывайте, — сказала Лиора.

Кайр спросил:

— Почему вы согласились?

— Медникам нужна вода. Я решила, что смогу переместить камень, не укореняя его.

— Решение владельца допускало перемещение?

— Нет.

— Вы знали это?

— Да.

Каждое короткое слово снимало с неё слой удобных оправданий. Лиора увидела вокруг лица людей, ради которых собиралась рискнуть чужим домом. Никто не выглядел благодарным.

Мерра первой отвернулась.

Кайр подошёл к платформе. Не касаясь кладки, осмотрел цепь, сломанные ремни и серые корни.

— Распоряжение предписывало пересадку?

— Полезное применение, — ответил распорядитель.

— Значит, нет.

— Страж Архива не толкует хозяйственные приказы.

— Сейчас я фиксирую происхождение решения внутри архивного документа. Передо мной камень, который законно изъят, но отвергает действие, не разрешённое владельцем. Это относится к проверке.

Он попросил писчицу снять отпечаток медной печати и записать имена всех присутствующих. Распорядитель попытался уйти, однако молодой стражник неожиданно встал у него на пути.

— Вы будете свидетельствовать, — сказал Кайр. — Не обвиняемым. Пока.

Последнее слово прозвучало негромко.

Лиора перевязала Тале запястье прохладной мокрой шерстью. Серый узор не расплылся, но и не бледнел.

— Его нельзя оставить в тебе до ночи.

— Знаю.

— Позволишь Ивене осмотреть?

— Если она объяснит каждое действие до того, как сделает.

— Я объясню ей условие.

— Я сама объясню.

Лиора кивнула.

У дальнего края площадки люди Медников начали ставить пустые вёдра на землю. Не в ряд по Лиориному чертежу, а неровным кругом вокруг телеги. Пекарь принёс доску. Мерра написала на ней углём: «Дом Олсена Раха. Не трогать без его решения».

— Вода всё ещё нужна, — сказала Лиора.

— Нужна, — ответила Мерра. — Но если для неё сперва приходится доказать, что человек не хозяин своему «нет», это будет вода Орвена, не наша.

— За ограждением лежит подходящий камень.

— И что ты предлагаешь?

Раньше Лиора уже развернула бы работу: послала людей к складу, составила смены, нашла слабое место в охране. Теперь любой её быстрый план звучал продолжением той же ошибки.

— Я могу рассказать, что знаю о камне и рисках, — сказала она. — А вы решите, хотите ли добиваться его выдачи сегодня.

Мерра долго смотрела на неё.

— Начало сойдёт.

Кайр закончил опись и подошёл к Тале.

— Я должен был привести вас к месту создания копии. Осмотр можно отложить.

— Нельзя, — сказала Тала. — След свежий. Если хотим сравнить два принуждения, сейчас он полезнее всего.

— Ты ранена, — сказала Лиора.

— Я заметила.

— Я не буду использовать тебя как доказательство.

— Тогда не используй. Я сама даю показание.

Кайр дождался, пока Тала закончит, и только затем спросил:

— Вы согласны идти в Архив сейчас?

— Сначала к Ивене. Потом — если она разрешит.

— Принимается.

Он повернулся к дому.

— Что с ним будет?

— Ничего, — сказала Лиора. — В этом и правило.

— Оставить на телеге?

— Вернуть на Шестую печную улицу и поставить там, где он стоял. Не укоренять заново. Дать старым корням самим найти срезы.

— Управа может возразить.

— Пусть назовёт человека, имевшего право отказаться вместо Олсена.

Кайр посмотрел на распорядителя, затем на медную печать.

— Закон различает владение строением и правомочность решения о его форме, — сказал он. — До сегодня я считал это редкой оговоркой для наследственных споров.

— Камню всё равно, что вы считали редким.

— Камню, возможно. Архиву — нет.

Он попросил писчицу добавить новую строку: перемещение прекратить; обломки вернуть на прежнее место до установления правомочного автора решения.

— У вас есть право это приказать? — спросила Лиора.

— Нет.

Распорядитель усмехнулся.

— Тогда ваша строка ничего не значит.

— Это не приказ. Это условие сохранности улики. Если вы продолжите перемещение, в журнале останется ваше решение уничтожить свидетельство после уведомления о проверке.

Усмешка исчезла.

Кайр не запретил. Он назвал действие так точно, что распорядителю пришлось выбирать его уже под собственным именем.

Лиора почувствовала к стражу первое опасное подобие уважения.

Тягловики развернули уцелевшую раму. На этот раз никто не тянул камень вверх. Платформу укрепили снизу и медленно повели обратно по дороге. Медники шли рядом, придерживая пустые вёдра, чтобы те не звенели. Дом Олсена Раха уезжал не спасённым и не побеждённым — просто не отдавшим того, чего у него не спросили.

У разбитого кувшина Тала задержалась.

— Ты могла заставить его отпустить, — сказала она.

— Могла.

— Почему не стала?

Лиора посмотрела на свою ладонь. Через мокрую повязку проступила кровь. Когда она сунула руку под корень, сад ответил ей чужим отчаянным желанием удержать. Но внутри этого желания она успела почувствовать и собственное — сделать правильно, быстро, без чужих возражений.

— Потому что тогда дом перестал бы различать своё решение, — сказала она. — А я — своё.

— Ты уже иногда не различаешь.

— Знаю.

Тала подняла перевязанное запястье.

— Теперь и я знаю цену.

Лиора хотела попросить прощения, но поняла: просьба сейчас заставит Талу либо утешить её, либо нанести ещё одну рану отказом.

— Я внесу в садовой устав правило, — сказала она. — Ни владение камнем, ни коронное изъятие, ни польза для большинства не заменяют добровольного решения того, кто вправе его принять. При сомнении рост останавливается.

— Не «внесу».

— Что?

— Предложишь общему собранию. Иначе это опять будет твоё правильное правило для всех.

Лиора закрыла глаза на один вдох.

— Предложу.

Кайр ждал их у поворота к Архиву. Солнце стояло над разбитым дворцом, и пустая табличка в его руке казалась ослепительно белой.

— Госпожа Вей, — сказал он, когда они подошли. — Если скрытое решение в моей копии действительно требует не допустить отказа, теперь у нас есть образец того, как такое решение действует на живой камень.

— У нас есть раненая Тала.

— Да. Поэтому образец принадлежит ей, и без её согласия в дело не войдёт.

Тала устало усмехнулась.

— Страж обучаем.

— Иногда, — ответил Кайр.

До полной луны оставалось три ночи.

Лиора пошла между Талой и Кайром, не ведя их за собой. Впервые за много лет Нижний сад остался без её распоряжений на целый час.

Ни один дом не рухнул.

Глава 4. Цена одной памяти

Ивена принимала раненых там, где Архив хранил утраты.

Помещение находилось под восточной лестницей и больше походило на кладовую: низкий свод, два стола, медный умывальник и шкаф с сотнями узких ящичков. На каждом ящичке стояло имя. Ни дат, ни должностей, ни объяснений.

— Руку на ткань, — сказала Ивена Тале. — Ладонью вверх. Я сначала посмотрю, затем назову варианты. До согласия ничего не снимаю.

Она была маленькой женщиной с тугой серебряной косой и голосом, который не нуждался в громкости. На её тёмной одежде не было знаков ранга. Лишь на шее висел ключ, вытертый множеством прикосновений.

Тала положила руку на стол. Серые кольца под кожей потемнели по дороге и теперь доходили до середины предплечья.

Лиора осталась у двери. Кайр встал рядом, соблюдая то расстояние, которое Тала разрешила ещё на площадке. Архивная писчица отнесла отпечатки наверх.

Ивена поднесла к руке плоское зеркало.

В отражении колец не было. Вместо них по запястью Талы тянулись строки, слишком мелкие, чтобы прочесть.

— Остаточное решение ищет место, где сможет продолжиться, — сказала Ивена. — Оно не сделает вас домом. Но до рассвета начнёт принимать движения руки за попытку уйти и будет их останавливать.

— Я лишусь пальцев? — спросила Тала.

— Если ничего не делать, возможно повреждение сухожилий. Есть два способа. Первый: садовник снимает направление корневой иглой. Быстро, но часть решения может перейти в него.

Лиора почувствовала, как под повязкой заныл ожог.

— Второй?

— Вы сами завершаете навязанное сцепление: называете, что эта рука вправе отпустить, и платите маленькой памятью о том, что держали добровольно.

— Насколько маленькой?

— Не событие целиком. Прикосновение, запах, несколько слов. Я не выбираю за вас.

— А без памяти нельзя?

— Можно не ждать рассвета и разрешить Лиоре иглу.

Ивена не делала один способ благороднее другого. Это успокаивало хуже, чем утешение.

Тала посмотрела на Лиору.

— Если позволю тебе, ты заберёшь след в себя?

— Скорее всего, часть.

— И что потеряешь?

— Не память. Способность отличить помощь от своего желания управлять. На какое-то время.

— На какое?

— Не знаю.

— Тогда я плачу сама.

Лиора шагнула к столу и остановилась прежде, чем Тала успела напомнить о границе.

— Это не обязательно доказывать.

— Я ничего не доказываю. Я выбираю меньший риск для своей руки и твоей головы.

— Выбор можно отложить на четверть часа, — сказала Ивена. — Боль пока терпима?

— Да.

— Тогда посидите с ним. Память, названную в спешке, люди часто пытаются заменить красивой. Камень берёт настоящую.

Тала пересела к окну. Лиора хотела пойти за ней, но та покачала головой.

Ивена вымыла зеркало, вытерла его и только после этого обратилась к Кайру:

— Показывай копию.

— Сначала пациентка.

— Пациентка выбирает. Ты пока теряешь время.

Кайр достал серый лист с трещиной и положил на второй стол. Ивена не коснулась камня. Она открыла ближайший шкаф, вынула пустой ящик и поставила рядом.

— Чей? — спросила Лиора.

— Пока ничей.

— А остальные?

— Названные утраты хранителей.

Кайр напрягся.

— Содержание закрыто.

— Для чтения, — согласилась Ивена. — Не для существования.

Она повернула ключ на шее. Все ящики одновременно отозвались едва слышным шорохом. Лиоре показалось, что за стеной прошёл дождь.

— Каждая законная перепись требует памяти, — сказала Ивена. — Не потому, что Книга голодна. Потому, что закон без цены слишком легко считать чужим делом. Хранитель должен принести часть собственной жизни и назвать её до изменения строки.

— Почему тогда никто не знает, что вы теряете? — спросила Лиора.

— Потому что двести лет назад совет решил: личное содержание цены не влияет на действительность закона.

— Удобное толкование, — сказала она и взглянула на Кайра.

Он не улыбнулся.

— Иногда причина правила существует, — ответил он. — Это не делает последствия справедливыми.

Ивена подняла копию щипцами и подвела к зеркалу. В отражении трещина развернулась в одну фразу: не допустить отказа. Вокруг неё росли тонкие ответвления к печати регента и к строке исполнения.

— Решение вошло при копировании, — сказала Ивена. — Оно не было частью исходного камня.

— Можно установить автора? — спросил Кайр.

— Нет. Можно установить правомочность. Принеси журнал копирования и форму допуска.

— Журнал закрыт до завершения исполнения.

— Тогда решай: ты проверяешь приказ или охраняешь его от проверки.

Кайр молчал.

Лиора смотрела на шкаф с именами. Ей хотелось выдвинуть ящик Кайра Эллана и увидеть, пуст ли он. Потом она поняла, что уже ищет его имя, и отвернулась.

— Если он сотрёт мою клятву, что именно потеряет? — спросила она у Ивены.

— То, что назовёт.

— Можно назвать пустяк?

— Можно попытаться. Книга различает память и сведения. Ты можешь знать, как пахнет хлеб, но помнить запах конкретного утра. Заберут второе.

— Можно назвать то, что хочется забыть?

— Можно. Но добровольность не превращает утрату в исцеление. Останется форма боли без события, которое её объясняло.

Кайр провёл пальцем по застёжке плаща.

— Ивена.

— Что?

— Не при ней.

— Её клятву собрался стирать при ней.

— Это не даёт ей права на мою память.

Лиора ответила прежде, чем Ивена:

— Не даёт.

Кайр посмотрел с благодарностью, которой она не хотела заслуживать так легко.

— Но мне нужно знать размер цены, — продолжила Лиора. — Не содержание. Иначе Архив снова назовёт последствие после того, как решение уже принято.

— Размер не измеряется годами, — сказала Ивена. — Один вкус может держать целое детство. Один поворот головы — любовь. Один звук — дом.

У окна Тала тихо спросила:

— Можно отдать последнее прикосновение матери?

Лиора обернулась.

— Можно, — ответила Ивена. — Но я советую спросить себя, выбираете ли вы эту память потому, что она подходит решению, или потому, что считаете боль лишней.

— Она держала меня за это запястье. Перед смертью. Я не могла отпустить, хотя ей было тяжело.

— Вы хотите забыть её руку?

Тала долго смотрела на серые кольца.

— Нет.

— Тогда не отдавайте.

— Но другой похожей памяти нет.

— Решению не нужна похожая. Ему нужно правдивое добровольное отпущение.

Тала закрыла глаза.

— Когда я ушла из мастерской отца, у меня в кармане был его ржавый ключ. Я держала его всю дорогу до Нижнего сада. Потом бросила в Сольву с моста.

— Что именно вы помните?

— Холод металла. И как пальцы не разжимались.

— Эту память согласны отдать?

— Только холод. Не мост, не реку и не то, почему я ушла.

Ивена принесла чашу с солёной водой. Тала опустила в неё руку и трижды повторила: «Я отпускаю холод ключа; моя рука не обязана держать то, что удерживала прежде».

На третьем повторе серые кольца выступили над кожей тонкой каменной пылью. Ивена смыла их водой. Тала согнула пальцы и удивлённо нахмурилась.

— Я помню ключ, — сказала она. — Помню, что он был холодным. Но не помню этого холода.

— Сведения остались, — сказала Ивена. — Прикосновение ушло.

Лиора опустила перед Талой на корточки.

— Как рука?

— Моя.

Тала протянула ладонь, и Лиора коснулась её только после короткого кивка.

— Теперь подпишите заключение, — сказала Ивена. — Своими словами. Никто не должен превращать вашу цену в удобную притчу.

Пока Тала писала, Кайр подошёл к шкафу. Нашёл своё имя не сразу: ящик находился в нижнем ряду, потёртый, но без замочной метки.

— Он пуст? — спросила Лиора.

— Нет.

Кайр не стал объяснять. Значит, он уже платил за перепись.

— Вы помните, что отдали?

— Знаю по записи.

— Это не то же самое.

— Нет.

В его голосе впервые не было ни процедуры, ни защиты. Лиора могла спросить дальше, но не спросила.

Ивена поставила рядом второй пустой ящик.

— До полнолуния ты обязан назвать новую цену, если намерен исполнить приказ.

— Намеренность определяется после проверки.

— Цена определяется до неё.

— Это противоречит порядку.

— Именно. Хранитель, который заранее не знает, чем рискует, легко делает вид, будто окончательное решение принимает документ. Назови память сейчас — или признай, что не готов быть исполнителем.

Кайр взглянул на Лиору.

— Вы можете выйти?

Она встала.

— Могу.

— Оставайтесь, — неожиданно сказал он. — Не как сторона дела. Как свидетель того, что цена названа до исхода.

— Содержание останется закрытым?

— Если вы согласитесь.

— Соглашусь.

Кайр положил ладонь на пустой ящик. Дерево под его пальцами потемнело.

— Я называю память о летнем дожде в саду моего отца, — произнёс он. — Мне было девятнадцать. Дождь начался после долгой жары. Я помню запах мокрой земли, воду на листьях груши и то, что в тот день решил не вступать в Архив.

Ивена резко подняла глаза.

— Последнее — решение, не память. Уточни цену.

— Запах земли и вид дождя на листьях. Решение пусть останется.

— В памяти был другой человек?

Пауза.

— Да.

— Его образ затронет?

— Нет. Он стоял в доме. Я был один в саду.

Ящик принял имя тонким серебряным штрихом. Кайр убрал руку.

Лиора почувствовала злость.

— Вы выбрали счастливую память.

— Да.

— Почему не что-нибудь безразличное?

— Потому что стирание вашей клятвы не должно оплачиваться тем, чего мне не жаль.

Ответ не просил одобрения. От этого он оказался убедительнее.

— А если проверка докажет, что приказ незаконен?

— Память останется у меня. Название цены не является платой, пока строка не изменена.

— И вы надеетесь сохранить дождь.

— Разумеется.

— Тогда почему я должна верить, что вы беспристрастны?

— Не должны. Цена не делает меня честным. Она лишь не позволяет утверждать, что у моего действия нет личного последствия.

Ивена закрыла ящик, но не заперла.

— Теперь журнал, — сказала она.

Кайр взял форму допуска и поставил на ней свой знак.

— Журнал выдадут только в зале переписи. Тала после лечения может войти как независимый специалист. Лиора — как сторона дела. Но копии делать запретят.

— Значит, запомним, — сказала Тала.

Кайр посмотрел на шкаф утрат.

— Память ненадёжна.

— Поэтому нас будет трое.

— Четверо, — поправила Ивена. — Я тоже иду.

— Верховная хранительница не участвует в первичной проверке собственного Архива.

— Очень удобное толкование.

На этот раз Кайр всё-таки улыбнулся. Совсем чуть-чуть, одним уголком рта, и сразу стал выглядеть моложе серебра на висках.

Лиора заметила это и рассердилась уже на себя.

Они вышли из комнаты утрат в узкий коридор. Тала шла впереди, проверяя каждым движением, что рука снова принадлежит ей. Ивена заперла дверь. За деревом остались сотни ящиков с именами и один незапертый — с ещё не утраченной памятью о дожде.

До зала переписи было две лестницы.

На первой Кайр остановился.

— Если в журнале нет имени автора скрытого решения, приказ останется действительным.

— А если имя есть? — спросила Лиора.

— Тогда мы узнаем, имел ли этот человек право решать, что вам нельзя отказаться.

— Такого права нет ни у кого.

— Я начинаю это подозревать.

— Дом уже доказал.

— Дом доказал последствие. Архиву ещё предстоит признать правило.

Лиора посмотрела на его руку, которой он держал перила. Ту самую руку, что недавно лежала на пустом ящике.

— И если Архив не признает?

— Тогда исполнителю придётся решить, достаточно ли закона, который отказывается видеть собственную цену.

Впервые он сказал не «проверить» и не «исполнить».

Решить.

Глава 5. Сестра против чертежа

Из Архива Лиора вышла с ощущением, будто оставила внутри не улику, а погоду.

Дождь, названный Кайром, теперь существовал для неё яснее, чем для него самого: мокрая земля, листья груши, девятнадцатилетний человек, решивший не становиться тем, кем всё-таки стал. Память ещё принадлежала ему, но уже лежала в ящике как вещь, приготовленная к передаче.

Лиора сердилась на Архив за то, что он умел превращать личное в меру закона. На Кайра — за добровольность этой меры. На себя — за то, что, спускаясь по наружной лестнице, она дважды оглянулась на дверь.

У подножия башни её ждала Мерра.

Старшая сестра сидела на перевёрнутом барабане водяного колеса и держала на коленях свёрнутый лист. Рабочий фартук был забрызган глиной до пояса, волосы собраны медной проволокой. Рядом стояли трое медников, которых Лиора знала по именам, и ещё человек десять, которых прежде видела только издали. Никто не пришёл ради Архива.

Они пришли ради воды.

— Руку Талы спасли? — спросила Мерра.

— Да. Остаточное сцепление снято. Она осталась давать показания.

— Сама осталась?

Лиора выдержала взгляд сестры.

— Сама.

Мерра кивнула. Только после этого протянула лист.

Это был чертёж Лиоры для площади Медников. Она закончила его две недели назад, до коронного запрета, до пустой таблички и дома Олсена Раха. В центре овала располагалась дождеприёмная чаша. От неё расходились семь крытых желобов, питая мастерские, бани и два питьевых колодца. Галереи должны были держать прохладу летом, а высокая арка на востоке — собирать утреннюю росу. В северной нише Лиора предусмотрела каменную сцену для собраний.

Она любила этот чертёж. Не как рисунок — как ответ. Он соединял воду, работу и право говорить в одном месте. Если бы рост принял направление, Медники получили бы не временную лохань, а площадь, вокруг которой можно было построить квартал.

На полях теперь стояли чужие пометки.

Толстая линия перечёркивала сцену. Над галереями Мерра написала: «потом». Семь желобов были сведены к двум, а от реки к верхней улице шёл некрасивый прямой канал.

— Что это? — спросила Лиора.

— То, что мы можем сделать до послезавтра.

— Канал без отстойной чаши принесёт ил в первую же мастерскую.

— Поэтому здесь ловушка.

Мерра ткнула ногтем в маленький прямоугольник у берега.

— Она слишком мала.

— Её можно чистить каждый вечер.

— Кем?

— Нами.

— В половодье её забьёт за час.

— Сейчас не половодье.

Лиора развернула лист полностью. К его нижнему краю был приклеен обрывок счётной ведомости. На нём двадцать семь человек оставили подписи, кресты или отпечатки пальцев.

— Вы уже решили?

— Мы уже устали ждать, когда ты закончишь решать красиво.

Люди вокруг отвели глаза. Мерра не отвела.

Лиора почувствовала знакомое желание: положить чертёж на ровную поверхность, взять уголь и показать. За три линии она могла доказать, почему овальная чаша распределит давление лучше прямого канала. За пять — почему площадь переживёт засуху. Если дать ей четверть часа, даже Мерра увидит, что быстрый путь создаёт новую зависимость от людей, которые ежедневно будут чистить ловушку.

— Пойдём на место, — сказала она.

— Мы там были.

— Без садовника.

— С водяными мастерами.

— Вы знаете колёса. Вы не знаете, как поведёт себя дворцовый камень.

— А ты знаешь воду лучше тех, кто двенадцать лет строит колёса?

— Я знаю достаточно, чтобы не выращивать русло вслепую.

Мерра слезла с барабана.

— Тогда пойдём. Только не называй свой чертёж решением, пока не услышишь задачу.

Они спустились к Сольве. Дорога через Нижний сад занимала меньше получаса, но сегодня растянулась: у каждой общественной бочки стояли очереди. Люди приносили вёдра, кувшины, медные котлы, детские кружки на верёвочках. Воду выдавали дважды в день. Бочки наполняли с телег, потому что старый подъёмный жёлоб треснул ещё при падении дворца.

У третьей бочки мальчик попытался пролезть вперёд. Женщина в сером платке схватила его за ворот, потом увидела пустое ведро и молча уступила место.

Лиора невольно свернула к ней.

— На сколько хватает?

Женщина узнала садовницу и выпрямилась.

— Если не стирать и суп пожиже, до вечера.

— В мастерской есть запас?

— Мастерская с утра не работает. После ожога промывать нечем.

Мерра не сказала: «Я же говорила». От этого слова прозвучали и без неё.

Площадка Медников лежала между верхним рядом мастерских и крутым речным откосом. Когда-то здесь был дворцовый сад для растений с серебряными листьями. После падения остались три подпорные стены, сухой бассейн и слой белой гальки, под которой земля почти не держала влагу.

Лиора остановилась на том месте, где по её плану должна была подняться восточная арка.

В воображении она видела готовое: прохладную тень, звон воды, семь расходящихся дорожек. Нэсса умела стоять рядом с таким молчанием и ждать, пока город внутри Лиоры станет видимым снаружи. Мерра ждать не стала.

— Покажи им, — сказала она пожилому мастеру по имени Шел.

Шел опустил в сухой бассейн отвес. Грузик лёг на дно, нить отклонилась к дворцовой стене.

— Основание просело на ладонь, — сказал он. — Если ставить твою чашу, сперва надо разобрать северный край и переложить.

— Я знаю.

— В чертеже этого нет.

— Потому что это подготовка, а не часть роста.

— Три дня подготовки, — сказала Мерра. — И ещё день, если найдём известь.

— Зато потом система не потребует ежедневной чистки.

— Потом, — повторила сестра. — Ты всё время строишь для потом.

— Потому что город должен прожить дольше одной недели.

— А люди должны дожить до твоего города.

Мерра повела её к откосу. Там в глинистой земле уже выкопали неглубокую канаву. Она шла от речной заводи к площадке по естественному понижению. Некрасивая. Узкая. Совершенно понятная.

— Здесь нельзя укоренять без подпорки, — сказала Лиора. — Первый сильный поток сорвёт склон.

— Мы не просим укоренять склон. Мы поставим деревянный короб.

— Дерево размокнет.

— Через два месяца.

— Через шесть недель.

— Значит, у нас шесть недель, чтобы починить бассейн.

Лиора посмотрела на подписи. Среди них был знак Гары, лучшей литейщицы квартала, крест старика Шела и двойной отпечаток близнецов, которые чинили котлы. Отдельно, внизу, стояло имя Мерры.

— Какое решение вы отдаёте камню? — спросила она.

— Никакое.

— Тогда зачем позвали меня?

— Чтобы ты оценила место ловушки и сказала, какой обломок оставить для будущей чаши. Канал мы построим сами.

Ответ ударил точнее упрёка. Лиора приехала сюда в уверенности, что без неё не обойдутся. Мерра звала не главную садовницу, которая даст форму, а специалистку, способную не испортить следующую возможность.

— Дворцовый камень у нижнего спуска удерживает решение снабжать кухни, — сказала Лиора после паузы. — Если расколоть его сейчас на желоба, для чаши ничего не останется.

— Значит, не расколем.

— Он тяжёлый. Управа увезёт его до полной луны.

— Значит, спрячем.

— Это нарушение коронной описи.

— Мы не просим тебя прятать.

Мерра говорила спокойно. В детстве именно так она сообщала, что уже забралась на крышу и теперь Лиоре оставалось решить, звать взрослых или лезть следом.

— Вы поставили меня перед свершившимся решением.

— Нет. Мы приняли своё. Тебе оставили твоё: помочь, отказаться или донести.

— А если ваш канал обрушит склон?

— Назови условия, при которых не обрушит.

— Вы их выполните?

— Мы слушаем. Потом решим.

Лиора разозлилась.

— Значит, мой навык для вас — одна из записок на столе?

— Твой навык говорит, что случится с землёй. Он не говорит, сколько дней чужой ребёнок может носить воду с нижней бочки.

— Я думаю не о чужих детях?

— Думаешь. Но в твоём чертеже они всегда уже выросли и гуляют по законченной площади.

Мерра взяла у неё лист и провела пальцем по овальным галереям.

— Красиво, Лео. Правда красиво. Здесь есть место собраниям, тень, две ступени для тех, кому трудно ходить. Ты предусмотрела слив из красивых мастерских, чтобы яд не попадал в питьевой колодец. Я вижу, сколько ты сделала.

Признание лишило Лиору удобной защиты. Нельзя было обвинить сестру в невежестве или неблагодарности. Мерра поняла чертёж и всё равно выбрала иначе.

— Почему тогда не начать правильно?

— Потому что правильное начало требует четырёх дней без воды. И потому что площадь нужна тебе больше, чем нам.

— Вам негде собираться.

— Мы собрались.

Мерра кивнула на подписи.

— На складе, между формами и углём. Было тесно, двое ругались, трое ушли раньше. Но решение получилось нашим. Твоя сцена не создаст нам право говорить.

Лиора услышала в этих словах собственную будущую защиту перед Архивом: Нижний сад не принадлежит тому, кто в нём не живёт. Она дала эту клятву, чтобы корона не решала за жителей. Но на чертеже оставила в центре место, выбранное ею для их голоса.

Сухой бассейн тихо потрескивал под солнцем. Из трещины пробивался тонкий красноватый стебель — дикий, бесполезный для строительства.

— Нэссе нравилась площадь, — сказала Лиора.

— Знаю.

— Она вымеряла восточную арку.

— Знаю.

— Если убрать её сейчас, потом рост может не принять прежнюю форму.

— Знаю.

Мерра не стала говорить, что Нэсса умерла и не может быть ещё одной подписью. Она никогда не использовала мёртвых ради победы в споре.

— Я не пыталась построить ей памятник, — сказала Лиора.

— Нет. Ты пыталась построить место, где её работа продолжится. Это не стыдно. Но Медники не обязаны жить внутри твоего способа помнить.

Лиора отошла к краю бассейна. Отсюда была видна река: мутная, быстрая у середины, с тихой зелёной заводью под откосом. Будущий прямой канал выглядел на её фоне царапиной.

Когда Нэсса погибла под западной галереей дворца, Лиора три месяца не могла войти в сады. Потом нашла обломок решения кухонного распорядителя кормить людей, пока держатся печи, и вырастила из него первый общий очаг Нижнего сада. Тогда ей казалось, что город спас её тем, что потребовал формы.

Возможно, с тех пор она возвращала долг слишком настойчиво.

— Дайте мне отвес, — сказала Лиора.

Шел протянул инструмент.

Она прошла вдоль канавы, проверяя уклон через каждые десять шагов. В двух местах велела углубить русло, в одном — поднять на две ширины пальца. Попросила кол, верёвку и отметила границу, за которой мокрая глина могла поползти. Мерра записывала условия на обороте чертежа.

— Ловушку нужно сделать длиннее вдвое, — сказала Лиора. — Не глубже. Поставьте три съёмные решётки, иначе стружка забьёт короб. Первая крупная, вторая с ладонь, третья из плетёной лозы.

— Медь нельзя? — спросил Шел.

— Можно, если вам нечем заняться, кроме как отливать решётку, которую украдут ночью.

Кто-то засмеялся. Напряжение на площадке ослабло.

— На этом повороте нужен сброс обратно в реку, — продолжила Лиора. — Если вода поднимется выше метки, канал надо закрыть. Не спорить, не держать ради мастерских. Закрывать.

— Кто решает? — спросила Мерра.

Лиора уже собиралась ответить: главный мастер. Потом посмотрела на людей вокруг.

— Назначьте двоих на каждую смену. Канал закрывается, если любой из двоих видит воду выше метки. Для открытия нужно согласие обоих.

— Почему так?

— Ошибка при закрытии оставит вас без воды на несколько часов. Ошибка при открытии может унести склон и нижние дома. Риски разные.

Мерра записала без возражений.

— Теперь камень, — сказала она.

Они спустились к нижней дороге. Обломок лежал у разрушенной дворцовой стены, наполовину скрытый крапивой. На серой поверхности ещё различалась резьба: связка лука, рыба голова, хлебная лопатка. Камень действительно принадлежал старым кухням. Лиора приложила к нему ладонь.

Решение внутри было тёплым и слабым, но цельным: снабжать кухни, пока держатся печи.

Не кормить дворец. Не служить короне. Снабжать кухни.

— Он годится для будущего водосбора, — сказала Лиора. — Но право отдать решение принадлежало распорядителю, а не нам. Мы можем сохранить обломок. Укоренять его без проверки нельзя.

— Где сохранить, чтобы управа не увезла? — спросил Шел.

Лиора обошла камень. Под ним земля была сухой: корни крапивы огибали нижний край, не касаясь его.

— Не прятать, — сказала она. — Включить в опись канала как несущий камень старой стены. Если его вывезут, склон станет опасным.

— Он не несущий, — заметила Мерра.

— Станет.

Лиора показала, где подвести деревянную распорку и закрепить на камне верхний край короба. Тогда изъять его можно будет лишь после разборки действующей системы и с письменным принятием риска.

— Это хитрость, — сказала Мерра.

— Это инженерное состояние на момент осмотра.

— Нэсса бы тобой гордилась.

— Нэсса сказала бы, что распорка тонкая.

— И была бы права.

Они улыбнулись одновременно. Боль не ушла, но перестала требовать, чтобы Лиора защищала её чертежом.

Шел увёл людей за досками. У канавы остались только сёстры.

Мерра сложила исписанный лист, но Лиора протянула руку.

— Дай.

— Хочешь спасти площадь?

— Хочу разделить документы.

Она разорвала приклеенную ведомость по краю, не задев подписи. На чистой стороне написала: «Решение жителей Медников: временный самотечный канал». Ниже перечислила условия безопасности и добавила: «Профессиональное заключение садовницы руин: допустимо на шесть недель при ежедневной очистке, сменном надзоре и аварийном сбросе».

Собственный чертёж она свернула отдельно.

— Это рекомендация для будущей системы, — сказала Лиора. — Не решение квартала. Если через шесть недель вы захотите только две трубы и место для телег, я не стану называть площадь необходимой.

— А что станешь?

— Назову последствия. Две трубы не переживут сухое лето. Телеги загрязнят питьевой сток. Вы решите, достаточно ли это важно.

— Вот теперь ты говоришь как садовница.

— Я и раньше говорила как садовница.

— Раньше ты говорила как город, которому мы ещё не успели отказать.

Лиора хотела обидеться. Вместо этого посмотрела на пустое место для подписи специалиста и поставила своё имя.

— Чертёж не выбрасывай, — сказала Мерра.

— Почему?

— Может быть, мы его выберем. Только позже и не целиком.

Это было меньше согласия, чем хотелось Лиоре, и больше, чем она ожидала получить после разрыва ведомости.

Они закрепили оба листа на доске у склада: решение жителей слева, рекомендацию справа. Старый план площади Мерра повесила ниже, под надписью «один из вариантов после ремонта бассейна».

К полудню деревянный короб спустили к реке. Лиора не руководила работой. Она проверила распорку, отметила красной краской опасный уровень и отошла. Дважды рабочие сделали не так, как сделала бы она: положили доски поперёк волокон и выбрали грубую верёвочную петлю вместо скобы. Оба раза решение было достаточно надёжным. Она промолчала.

На третий раз промолчать было нельзя.

Один из близнецов полез в заводь закреплять нижнюю решётку, не привязав страховочный конец.

— Стой, — сказала Лиора.

Он замер по колено в воде.

— Течение у камня тянет под стену. Верёвку вокруг пояса и двоих на берег.

— Тут мелко.

— Утонуть можно и там, где стоял минуту назад. Это не вопрос вкуса.

Мерра бросила ему конец верёвки.

Лиора поняла разницу не сразу. Отказаться от единственной формы не значило отказаться от суждения. Чужой выбор не делал все варианты равно безопасными. Её обязанность оставалась: увидеть риск, назвать его и не прятать цену за красивой линией. Но после этого человек всё равно мог сказать «нет» — если опасность не отнимала у него саму возможность выбирать.

Вода пошла по коробу ближе к вечеру.

Сначала тонкой мутной полосой. Первая решётка поймала ветки, ловушка наполнилась песком, и Шел уже потянулся закрыть заслон, решив, что расчёт неверен. Мерра остановила его, вычистила дно плоским совком и снова подняла щиток.

Поток дошёл до площадки.

Он не звенел в каменной чаше. Не расходился по семи желобам. Просто падал в две поставленные рядом бочки, расплёскивая воду на сапоги и белую гальку.

Женщина в сером платке набрала первый ковш и понесла в закрытую мастерскую. Мальчик с пустым ведром подставил ладони под струю, засмеялся и получил от матери лёгкий подзатыльник за расточительство.

Лиора стояла рядом со своим свёрнутым чертежом.

— Ну? — спросила Мерра.

— Ловушку придётся чистить чаще, чем вы думаете.

— Это я уже записала.

— Северный край бассейна надо разобрать завтра, иначе он осыплется в канал.

— Тоже записала.

— И вода есть.

— Есть.

Мерра протянула ей жестяную кружку. Лиора сделала глоток. Вода отдавала деревом и речным песком. Никакого вкуса победы у неё не было.

Это была просто вода.

Наверху, со стороны Архива, ударил колокол. Один раз, потом второй, потом долгий третий.

Люди на площадке подняли головы.

— Что означает? — спросил Шел.

Лиора не знала. Мерра тоже.

Колокол Архива не созывал горожан. Он отмечал открытие Книги, закрытие Книги и смерть хранителя. Для всех трёх существовали разные последовательности, но тройного удара с протяжным последним Лиора прежде не слышала.

Улица ответила ему тишиной.

Затем у доски с решением жителей каменная стена издала сухой щелчок.

Лиора поставила кружку и подошла ближе. Между левым и правым листом появилась тонкая трещина. Она ползла не по раствору, а прямо через камень, складываясь в знаки.

Мерра прочитала первой:

— «Трое образуют собрание лишь с названным автором и дозволенной формулой».

Вокруг стояло больше трёх человек. Но в тот миг каждый отступил от ближайшего соседа, словно между ними натянули невидимую проволоку.

Лиора почувствовала давление на корневую печать. Не приказ разойтись — невозможность считать стоящих рядом одним целым без чьего-то разрешения.

Решение Медников висело на доске. Авторов у него было двадцать семь. Формула была названа ими самими.

И всё же камень требовал ещё кого-то.

— Не снимайте подписи, — сказала Лиора.

— Почему? — спросила женщина в платке.

— Потому что кто-то только что попытался сделать ваше собрание недействительным. И нам понадобится доказательство, что оно существовало раньше запрета.

Она посмотрела в сторону башни. До полной луны оставалось три ночи, но немая статья уже заговорила.

Глава 6. Первая немая статья

Запрет не разогнал людей. Он отнял у них множественное число.

Лиора поняла это, когда попросила Медников отойти от стены. Каждый услышал её. Каждый сделал шаг. Но никто не уступил дорогу соседу и не придержал доску вместе с другим, словно случайные люди на площадке больше не составляли работающую артель.

У деревянного канала застряла решётка. Шел потянулся к ней один.

— Вдвоём, — сказала Мерра и взялась за второй край.

Каменные знаки на стене посерели. Пальцы Мерры разжались.

— Я знаю, что хотела помочь, — произнесла она, глядя на собственную руку. — Но на секунду перестала понимать, почему мы делаем одно дело.

Шел попробовал снова. На этот раз назвал вслух:

— Я, Шел Тарн, прошу Мерру Вей поднять решётку вместе со мной, чтобы очистить воду.

Мерра повторила своё согласие. Они подняли решётку без помех.

— Двое, — сказала Лиора. — Статья говорит о троих.

— Тогда добавься, — предложила сестра.

Лиора положила ладонь на раму. Шел назвал её имя и цель. Мерра назвала своё. Лиора сказала:

— Я согласна помочь очистить решётку.

Серая строка на стене потемнела.

Под ладонью Лиоры дерево перестало быть частью канала. Она видела три руки, одну раму и мутную воду, но общее действие рассыпалось на отдельные движения. Если они потянут одновременно, кто определит высоту? Если разновременно — кто отвечает за перекося? Ей захотелось убрать руку и дожидаться человека, который имел бы право связать их усилия.

— Дозволенная формула, — сказала она. — Нашей недостаточно.

— Кем дозволенная? — спросила Мерра.

В статье ответа не было.

Лиора отступила. Шел и Мерра вдвоём вынули решётку. Остальные смотрели, не приближаясь. Временный канал продолжал давать воду, но теперь две смены по двое должны были делать работу, на которую прежде хватало троих за половину времени.

На доске висели двадцать семь подписей. Они доказывали, что решение существовало. Они больше не позволяли действовать сообща.

— Закройте канал, если у аварийной метки окажутся трое, — сказала Лиора. — Решение о закрытии принимает любой из двух. Третьему нельзя вмешиваться.

— А если нужно удержать щит? — спросил Шел.

— Двое держат. Остальные не подходят.

— До каких пор?

Ответил колокол. Теперь он бил коротко и часто — обычный вызов архивной стражи.

По верхней дороге уже спускались люди в серых плащах. Впереди шёл Кайр. Рядом с ним семенила Тала, прижимая здоровой рукой к груди доску с записями. Ивены не было.

Кайр остановился перед надписью и прочёл её, не касаясь камня.

— Когда появилась?

— После тройного удара, — сказала Лиора. — Сначала помешала людям считать себя собранием, потом — троим поднять решётку. Собственные имена и цель не помогают.

— Потому что статья требует не названной, а дозволенной формулы.

— Кем?

— В этом и свойство немой статьи. Она создаёт место власти, но не называет того, кто его занимает.

Мерра встала между стражами и доской.

— Подписи не заберёте.

— Не заберу, — сказал Кайр. — Мне нужен слепок строки.

— Камень наш.

— Стена числится за дворцовым садом, — заметил младший страж.

Кайр даже не повернул головы.

— Я обращался к представительнице квартала.

Мерра посмотрела на Лиору, потом на серую строку.

— Делайте слепок здесь. Подписи остаются на виду. Один человек от Медников следит за каждым движением.

— Согласен.

— Вы вправе соглашаться за Архив? — спросила Лиора.

— На условия осмотра — да.

— А статья вправе считать ваше согласие дозволением?

Кайр помедлил.

— Сейчас узнаем.

Для слепка требовались трое: один накладывал влажную ткань, второй держал рамку, третий втирал в волокна угольную пыль. Кайр распределил работу между двумя стражами и Талой, затем произнёс архивную формулу допуска с номером приказа и своим именем.

Они действовали без помех.

— Вот и автор, — сказала Мерра. — Архив.

— Нет, — ответил Кайр. — Моя формула подходит замку, но это не доказывает, что я создал дверь.

— Очень удобное толкование.

Эта фраза Ивены прозвучала из уст Мерры почти тем же тоном. Кайр нахмурился, будто тоже слышал сходство.

Лиора подошла к границе серого влияния. Корневая печать под одеждой едва заметно тянулась к стене.

— Статья признаёт формулу Архива, — сказала она. — Не нашу. Значит, пока вы ищете автора, Архив уже получил власть позволять собрания.

— Получил возможность, — поправил Кайр. — Если начнёт ею пользоваться.

— Вы только что воспользовались.

Он посмотрел на троих, снимающих слепок.

— Да.

Признание не исправляло происходящее, но оставляло между ними почву, на которой ещё можно было спорить.

Ткань осторожно сняли. На ней проступила статья и тонкие линии вокруг каждого слова. Одна уходила вниз, под кладку. Вторая тянулась вверх по разрушенной стене, сворачивала к старому дворцовому водостоку и исчезала в щели.

Тала присела у основания.

— Это не корень.

— Похоже на шов Книги, — сказал Кайр.

— Книга в Архиве.

— Новые листы — в Архиве. Старые части дворца никто не смог собрать полностью.

Лиора вспомнила дворцовые камни: кухня, галереи, лестницы, комнаты для просителей. После падения их считали носителями обломков решений, но не закона. Если хотя бы один лист Книги остался в стене, город все эти годы рос вокруг незамеченной страницы.

— Куда ведёт водосток? — спросила Кайра Мерра.

— По старым планам — к западной башне.

— К залу переписи, — сказала Тала.

Кайр свернул слепок.

— Нужно проследить шов.

— Вчетвером? — спросила Лиора.

Слово повисло между ними. Немая статья не запрещала идти рядом. Она запрещала им стать группой без дозволения.

— Двумя парами, — решил Кайр. — Мы с Лиорой по верхнему ходу. Тала с одним стражем — по нижнему.

— Тала никуда не идёт без собственного согласия, — сказала Лиора.

— Тала стоит здесь, — отозвалась помощница. — И может ответить сама.

Лиора закрыла рот.

— Я пойду по нижнему ходу, — продолжила Тала. — Без стража. С Меррой.

Мерра подняла брови.

— У меня канал.

— У тебя статья на стене квартала.

— Справедливо. Но моя смена у заслона через час.

— Вернёмся раньше.

Кайр покачал головой.

— Нижний ход может быть обрушен. Я не разрешу гражданским идти без охраны.

Строка на стене потемнела, как будто услышала знакомое слово.

— Вы не разрешите? — тихо спросила Мерра.

Кайр увидел ловушку.

— Я назвал риск неверной формой. Нижний ход опасен. Архивная карта у моего стража. Я предлагаю взять его проводником. Вы вправе отказаться.

— Берём карту, — сказала Тала. — Проводник идёт, если не будет отдавать приказы за пределами немедленной опасности.

Младший страж открыл рот. Кайр опередил его:

— Согласовано.

Они разделились. Лиора с Кайром поднялись вдоль стены к дворцовому водостоку. За спиной Мерра распределила надзор за каналом между двумя мастерами. Ей пришлось разговаривать с каждой парой отдельно. Любое общее распоряжение рассыпалось, едва рядом оказывался третий.

— Если статья появится по всему городу, — сказала Лиора, — пожарная цепь не сможет передавать вёдра.

— Архив сможет позволить формулу цепи.

— И выбирать, какую цепь считать законной.

— Да.

— Суд из трёх человек?

— Потребуется допуск.

— Семья?

Кайр остановился.

— Статья говорит «собрание». Она может не затронуть дом.

— А может затронуть троих взрослых, решающих, кому ухаживать за больным.

— Может.

Лиора ожидала объяснений о пределах толкования. Вместо них он достал записную пластинку и перечислил её примеры.

— Вы фиксируете мои догадки?

— Возможные последствия. Если статья уже действует, спор о её происхождении не должен задерживать меры безопасности.

— Какие?

— Временные формулы для врачей, пожарных и водных работ.

— Вы собираетесь дать Архиву ещё больше власти.

— Я собираюсь не дать людям умереть, пока выясню, откуда она взялась.

Лиора вспомнила собственную площадь и деревянный канал.

— Тогда каждую формулу надо вывесить публично. С автором, сроком и причиной.

— Это замедлит выдачу.

— На час. Зато временное дозволение не превратится в вечное правило без свидетелей.

— И право отказаться, — сказал Кайр.

— Как пожарная цепь откажется от разрешения, если без него не может работать?

— Не цепь. Каждый участник. Формула должна позволять выйти, не разрушая действие остальных.

Она взглянула на него.

— Вы уже проектируете новый закон.

— Нет. Ограничиваю временную процедуру.

— Так обычно и начинаются законы.

Кайр убрал пластинку.

— Поэтому вы подпишете условия как сторона, которая им не доверяет.

— А если не подпишу?

— Мы опубликуем разногласие.

Ответ был правильным. Лиора почти пожалела, что он не дал ей повода спорить дальше.

Водосток заканчивался львиной пастью без нижней челюсти. За ней шёл узкий лаз, забитый землёй и корнями. Серебристый шов пересекал каменную глотку и терялся в темноте.

Лиора достала корневую иглу.

— После ожога вам не стоит касаться неизвестного решения, — сказал Кайр.

— После пустой таблички вам не стоит советовать мне осторожность.

— Одно другому не мешает.

Она обвязала рукоять тканью и ввела иглу в шов.

Холод пришёл не в пальцы, а в язык. Лиора попыталась назвать своё имя и не смогла вспомнить, как слово «я» относится именно к ней. Ощущение длилось один удар сердца. Кайр выдернул иглу прежде, чем она успела оттолкнуть его.

— Я не давала согласия, — выдохнула она.

— Вы перестали дышать.

— Это не давало права...

— Давало право прекратить непосредственный вред. Не продолжать исследование и не решать за вас дальше.

Он разжал руку. Игла лежала на его ладони, покрытая серым инеем.

Лиора вдохнула. Потом ещё раз. Слово вернулось: я. Оно было простым и драгоценным.

— Предупредить могли.

— Не успел.

— Тогда хотя бы не держите мою иглу как улику.

Кайр протянул её рукоятью вперёд.

— Продолжите?

— Нет.

— Хорошо.

Он не добавил, что был прав. Это помогло больше, чем извинение, которое Лиора пока не могла бы принять.

— Что почувствовали? — спросил он.

— Статья стирает связь между человеком и его местом в общем действии. Не память. Отношение. Я знала имя, но не могла сказать «я».

— Значит, это глубже запрета на собрания.

— Или запрет питается чем-то глубже.

Из пасти льва донёсся стук: два коротких, пауза, ещё два. Условный сигнал Талы. Кайр ответил по камню.

Они обошли стену и встретились у провалившейся лестницы. Тала, Мерра и молодой страж стояли по другую сторону разлома. Трое — и всё же действовали вместе.

— Как вам это удалось? — спросила Лиора.

Тала показала три коротких шнура, связанных не друг с другом, а с одной каменной скобой.

— Мы не называли себя группой. Каждый отдельно согласился следовать вдоль шва до этой точки и вернуться при опасности. Общей команды нет.

— Неудобно, — сказала Мерра. — Зато статья не знает, что с нами делать.

Молодой страж выглядел так, будто впервые нарушил порядок, строго соблюдая каждое его слово.

— Шов уходит под лестницу, — сообщил он Кайру. — На карте там старое хранилище прошений. Его замуровали сто сорок лет назад.

— Почему?

— Причина не указана.

— Конечно, — сказала Мерра.

Чтобы разобрать завал, требовалось больше двух человек. Архивная формула Кайра позволила бы работу, но Мерра отказалась принимать её без публичной записи условий. Они вернулись к складу, где Кайр составил первый временный допуск.

Он писал на обычной деревянной доске, не на архивном камне:

«Автор: Кайр Эллан, страж проверки. Цель: разобрать завал старого хранилища прошений и обеспечить безопасный выход. Срок: до заката текущего дня. Каждый участник вправе выйти из работы без наказания и без прекращения допуска для остальных. Формула не создаёт права изымать найденное и прекращается немедленно после открытия прохода».

Лиора добавила: «Любое изменение условий требует нового согласия участников».

Мерра: «Один свидетель от Медников присутствует при вскрытии».

Тала: «Находки перечисляются на месте до переноса».

Кайр подписал все добавления. Затем каждый из шести работников отдельно назвал согласие.

Статья отпустила их.

Работа заняла два часа. За плитами лежала смесь глины, щебня и старых корней. Лиора направляла только последние: они удерживали свод, и рубить их было нельзя. Мерра поставила винтовые подпорки. Тала вела опись каждого вынутаго камня. Стражи передавали корзины наружу.

Никто не командовал молча. Каждое изменение называли, и оно проходило через согласие тех, кого касалось. Это было медленно. Утомительно. Иногда смешно: одна корзина стояла посреди прохода целую минуту, потому что трое одновременно решили, что её возьмёт другой.

Но проход открылся.

За завалом обнаружилась низкая комната. По стенам шли сотни высеченных строк — просьбы о воде, наследстве, месте на рынке, возвращении отнятых мастерских. Каждая начиналась именем просителя. Многие заканчивались одним и тем же знаком: маленькой закрытой дверью.

В центре пола лежал каменный лист.

Он был тоньше дворцовых обломков и треснул на три части. Серебристый шов со стены входил в него у верхнего края. На поверхности сохранилась старая статья:

«Трое свидетельствуют решение, если каждый называет себя и цель».

Ниже кто-то выскоблил продолжение. В царапинах осталась серая пыль.

Кайр опустил на колено, не переступая порога.

— Это лист Книги Связей.

— Та же статья? — спросила Тала.

— Прежняя. Её смысл был обратным: трое делали решение свидетельствуемым без разрешения дворца.

Мерра посмотрела на знаки закрытой двери.

— Поэтому хранилище замуровали.

— Возможно.

— Не говорите «возможно», когда причина лежит перед вами.

— Перед нами следствие. Причину я пока предполагаю.

Лиора присела у трещины. Не касаясь, провела пальцем над выскобленным местом.

— Новая немая статья не возникла из пустоты. Она выросла из удалённого продолжения.

— Или из решения удалить его, — сказал Кайр.

Тала сверилась со слепком.

— Линии совпадают. «Названный автор» стоит там, где раньше было «каждый называет себя». «Дозволенная формула» — на месте стёртых слов.

— Каких слов? — спросила Мерра.

Кайр поднял взгляд к сотням прошений.

— Это должен показать зал переписи.

Снаружи послышались шаги. Не рабочие: ровные, одинаковые, больше двух пар.

В проёме появился чиновник управы в зелёной перевязи. За ним стояли четверо дворцовых стражей.

— По распоряжению регента Орвена, — начал он, — обнаруженная часть Книги подлежит немедленной передаче коронному хранению. Собрание граждан у объекта распускается.

Серая пыль в выскобленной строке поднялась лёгким облаком.

— Назовите автора и формулу, — сказал Кайр.

Чиновник замялся.

— Автор распоряжения — регент.

— Это автор приказа об изъятии. Я спрашиваю, кто дозволил вам считать стоящих здесь собранием и распустить его по немой статье.

— Архив, разумеется.

— Назовите хранителя.

— Вы здесь старший страж.

— Я не давал такого допуска.

Чиновник посмотрел на деревянную доску с временной формулой.

— Вы дали разрешение на работы. Следовательно, признали право Архива определять состав собрания.

Лиора увидела, как быстро временная мера становилась основанием постоянной власти. Даже часа не понадобилось.

Кайр встал перед каменным листом.

— Мой допуск прекращён открытием прохода. Он не создавал права на изъятие. Это написано в тексте.

— Приказ регента выше вашего примечания.

— Тогда предъявите приказ.

Чиновник показал серую табличку. Она не была пустой. Печать Орвена стояла внизу, свежая и законная. Формула требовала вернуть все части Книги в единый Архив до ближайшей луны.

Вдоль края шла знакомая тонкая трещина.

Не допустить отказа.

Лиора не коснулась её. Ожог на пальце заболел сам.

— Этот приказ заражён тем же решением, — сказала она.

— Садовница не уполномочена толковать архивные документы.

— А вы уполномочены? — спросила Мерра.

— Я представляю регента.

— Значит, автор вашего права — регент, а дозволенная формула — всё, что он велит?

Чиновник промолчал. Немая статья на стене ответила за него: серые знаки стали темнее.

Кайр взял табличку щипцами.

— Документ связан с текущей проверкой и остаётся на месте как улика.

— Вы препятствуете коронному распоряжению.

— Я проверяю его действительность.

— Регент узнает.

— Укажите в донесении точные слова.

Дворцовые стражи переглянулись. Их было четверо. Без дозволенной формулы они не могли действовать как отряд; получить её чиновник мог только от Архива, а единственный присутствующий страж Архива отказался её дать.

Немая статья впервые сработала против тех, кто пытался ею воспользоваться.

Чиновник ушёл один. Четверо сопровождавших его людей разошлись попарно, сохраняя видимость достоинства.

Когда шаги стихли, Кайр выдохнул.

— До заката он вернётся с правильно оформленным допуском.

— Тогда что? — спросила Тала.

— Мы раньше войдём в зал переписи.

— И лист?

Кайр посмотрел на старую статью.

— Останется здесь. Если перенести его сейчас, мы повторим то, что уже однажды сделали с просьбами этих людей: заберём свидетельство туда, где его смогут видеть только хранители.

Он поставил двух архивных стражей у входа, каждого отдельным письменным поручением охранять помещение, а не действовать отрядом. Мерра назначила двух свидетелей от Медников. Тала закрепила опись на внешней стене.

Лиора вышла последней.

У временного канала люди снова набирали воду по одному. Их подписи всё ещё висели на доске. Рядом появился список временных формул для лекарей, пожарных и водных работ — с именем Кайра, сроком до полуночи и правом каждого отказаться. Ниже оставили пустое место для возражений.

Лиора написала там: «Необходимость этой меры не доказывает право Архива продлевать её».

Кайр прочёл и поставил рядом своё имя.

— Зачем подписались? — спросила она.

— Чтобы разногласие нельзя было принять за ошибку писца.

До Архива они шли вдвоём. Позади, отдельными парами, следовали Тала, Мерра и стражи. Город вокруг выглядел прежним: дома держались корнями за землю, над мастерскими поднимался дым, Сольва несла песок. Но всякий раз, когда трое прохожих останавливались

поговорить, между ними возникала короткая пауза. Кто-то оглядывался в поисках разрешения, не зная, у кого его просить.

У западной башни Кайр показал печать. Дверь в зал переписи открылась.

Изнутри пахло холодным камнем и яблоками. На дальней стене висела карта старых частей Книги. Одна отметка, прежде скрытая серой краской, теперь светила в районе Медников.

А возле центрального стола стояла Ивена.

Перед ней лежал раскрытый журнал копирования.

— Вы опоздали, — сказала она. — Имя автора уже начали стирать.

Глава 7. Право на обломок

Имя стирали не с бумаги.

Оно исчезало из поступка.

Лиора увидела это на первой же странице журнала. В левой колонке значилось решение: «Открыть восточные ворота для телег с зерном во время большой воды». Рядом стояла дата, цена переписи и аккуратно выведенная формула, ставшая когда-то законом. Там, где должно было быть имя человека, принявшего решение, камень побелел. Осталась только первая черта буквы — неглубокая, похожая на след ногтя.

На полях другой рукой было приписано: «Авторство не влияет на действие статьи».

— Влияет, — сказала Лиора.

Ивена не подняла головы.

— Теперь влияет. Немая статья питается каждым местом, где действие осталось, а человек исчез.

Кайр закрыл дверь зала и повернул внутренний ключ. Тала и Мерра остались снаружи: допуск Ивены распространялся только на садовницу, связанную с найденным листом, и стража проверки. После случившегося в Медниках слово «допуск» звучало хуже, чем утром.

— Кто стирает? — спросил Кайр.

— Журнал, — ответила Ивена.

— Камень не принимает решений сам.

— Знаю. Но я не видела руки. Открыла шкаф, сняла печать, положила журнал на стол. Имя Дарена Воса было целым. Потом колокол ударил трижды, буквы начали бледнеть. Я попробовала сделать слепок. На ткани осталось решение без имени.

Кайр наклонился над страницей.

— Почему именно эта запись?

Ивена перевернула лист. На следующем исчезло имя женщины, решившей оставить колодцы общими после раздела северных владений. Ещё через страницу — имя мастера, отказавшегося закрыть мост для людей без дворцовой метки. Все решения ограничивали чьё-то право не впускать, не делиться, не признавать отказ.

— Их объединяет не предмет, — сказал Кайр. — Зерно, вода, мост.

— Их объединяет человек, который мог сделать иначе, — ответила Лиора. — И всё-таки отдал часть своего права другим.

Она вспомнила кухонный камень Медников. Двадцать семь людей решили отдать его каналу, хотя могли потребовать площадь, дом или продать редкий обломок управе. Если убрать их имена, останется полезное решение. Удобное. Ничейное. Такое легко присвоить тому, кто объявит себя единственным толкователем пользы.

— Покажите запись о садовых обломках, — попросила она.

Ивена посмотрела на неё внимательнее.

— Почему?

— Город растёт из решений. Если статья стирает авторов закона, она может добраться до решений, заключённых в камнях.

— Живые обломки не входят в Книгу.

— Старый лист тоже не входил в нынешнюю Книгу, пока его шов не заговорил через стену.

Ивена достала из нижнего шкафа узкую книгу в медной оправе. На корешке было выбито: «Передачи после падения дворца». Лиора знала о ней. Каждый редкий обломок, поступавший в городской питомник, проходил через Архив: хранитель подтверждал, что решение принад-

лежало дарителю и не было уже израсходовано другим ростом. Садовники проверяли живой отклик, но право на камень заверяла запись.

Ивена открыла последние страницы.

Имя Савы Нор возле решения остаться в Нижнем саду было целым. Имена Медников тоже. Лиора выдохнула слишком рано.

На старых страницах белели пустоты.

«Передано право разобрать западную конюшню». Кто передал — неизвестно.

«Отказ от личного пользования тремя плитами зимней галереи». Чей отказ — неизвестно.

«Решение не восстанавливать комнату прошений». Автор стёрт, а напротив стояла коронная печать принятия.

— Последняя запись связана с найденным хранилищем, — сказал Кайр.

— И с редкими камнями, — ответила Лиора.

Она провела пальцем над перечнем, не касаясь поверхности. Три плиты зимней галереи лежали в закрытом дворцовом питомнике. Их камень умел удерживать тепло без огня. Из одной плиты можно было вырастить тёплый общий зал на сорок человек. Вторая годилась для лекарского дома. Третью Лиора берегла для водосбора: зимой она не дала бы желобам лопнуть.

До сих пор она считала, что обломки переданы городу. Так значилось в краткой описи. Теперь выяснилось: кто-то отказался от личного пользования ими. Это было не одно и то же. Отказ не называл нового владельца.

— На каком основании плиты числятся за питомником? — спросила она.

Ивена нашла ссылку на другую страницу.

— По распоряжению смотрителя после падения. До установления правомочного получателя.

— Получателя установили?

— Нет.

— Значит, я не имела права планировать из них дома.

— Вы не использовали их.

— Только потому, что ждала подходящего места.

Кайр поднял взгляд.

— Управа считает подходящим местом дворец.

— Поэтому Орвен и велел направить рост к руинам. Если автор передачи исчезнет, временное хранение станет похожим на собственность короны.

В дверь постучали один раз, затем ещё два — не общий сигнал, а условленная последовательность отдельных посетителей. Кайр открыл смотровую щель.

— Регентский чиновник вернулся, — сообщил он. — С архивным допуском за подписью старшего хранителя Риада.

Ивена резко захлопнула медную книгу.

— Риад не видел найденного листа.

— Ему и не требовалось. Он дозволил изъятие всех неучтённых частей Книги.

— Тогда лист увезут.

— Нет. Я оспарю предел формулы. Но до луны остался день. Оспаривание займёт дольше.

Ивена подошла к карте, где светилась новая отметка.

— Мы искали человека, который вписал «не допустить отказа». А теперь само отсутствие имени исполняет его решение.

— Потому что автор — не украшение записи, — сказала Лиора. — Имя показывает, чьё право стало материалом. Без него нельзя проверить, что человек вообще мог это отдать.

Слова сложились раньше, чем план. Лиора увидела не готовый порядок, а пустоты, через которые город терял своих авторов: камень отдавали знакомому садовнику у ворот; вдова оставляла плиту соседям; мастер приносил обломок в питомник, где писарь сокращал длинный рассказ до одной строки. Все полагались на память людей и живой отклик камня. Но память уходила, писари менялись, а коронные печати оставались.

— Мне нужно вернуться в Нижний сад.

— Зачем? — спросил Кайр.

— Остановить выдачу обломков, пока мы не установим право на каждый.

— Управа назовёт это срывом коронных работ.

— Пусть назовёт с указанием автора.

Он почти улыбнулся, но взгляд остался усталым.

— Я должен остаться здесь.

— Я не просила вас идти.

— Знаю.

Между ними не возникло обиды. Только ясная граница двух работ. Лиоре стало странно легко оттого, что ему не требовалось следовать за ней, чтобы оставаться союзником.

— Возьмите копию страниц, — сказал он. — Ивена заверит, что имена отсутствовали до вашего распоряжения. Иначе завтра вам скажут, что вы сами создали сомнение.

Ивена принесла тонкую глиняную пластину. Они втроем записали состояние книги, но каждый свидетельствовал отдельно: немая статья уже дотягивалась до зала. В конце Лиора добавила: «Отсутствие автора не передаёт право тому, кто хранит предмет».

Кайр поставил своё имя рядом.

— Это ещё не закон, — предупредил он.

— Поэтому я пишу на глине, а не в Книге.

— И всё же хотите, чтобы люди следовали этому правилу.

— Хочу предложить им порядок, без которого я откажусь выращивать. Они смогут выбрать другого садовника.

— Вы думаете, это свободный выбор? — спросила Ивена. — Другого Нижнего сада нет.

Вопрос попал точно. Лиора уже готова была защищать необходимость, срочность, безопасность — всеми словами, которыми власть прикрывала отсутствие выбора.

— Тогда порядок не может принадлежать мне одной, — сказала она. — Пусть те, кто отдаёт решения, изменят его прежде, чем подпишутся.

*

В питомнике пахло мокрой известью и мятой. Тала успела вернуться раньше Лиоры и выставила у ворот две доски: на одной перечислила всё, что случилось со старым листом; на второй оставила пустое место под вопросы. Вопросов набралось больше, чем фактов.

«Можно ли забрать уже отданный камень?»

«Кто отвечает, если дом вырос не таким?»

«Решение семьи принадлежит старшему или всем?»

«Если имя забыто, камень мёртвый?»

Последний вопрос был написан детской рукой.

— Я никого не созывала, — сказала Тала, когда Лиора оглядела двор. — Они пришли по одному. Потом обнаружили, что стоят вместе, и начали нервничать.

Во дворе было человек пятьдесят. Немая статья не запрещала им находиться рядом, однако каждое общее намерение вязло. Люди спорили парами, передавали новости от одного к другому, и к концу двора смысл менялся. По первой версии Архив нашёл старую просьбу. По пятой — корона отняла у Медников воду. По девятой — любой дом мог рассыпаться, если прежний владелец передумает.

Мерра стояла на перевёрнутой кадке и отвечала каждому отдельно. Увидев Лиору, она спрыгнула.

— Если ты сейчас произнесёшь речь, статья решит, что мы собрание.

— Значит, сначала нужен дозволенный порядок.

— От Архива?

— Нет. От каждого, кого он касается.

Лиора попросила принести короткие дощечки и моток красного шнура. На первой дощечке написала одну цель: «Проверить право передачи обломков Нижнему саду». Ниже перечислила только действия ближайшего часа: назвать своё отношение к камню, предложить условия записи, отказаться и уйти без последствий.

— Кто автор? — спросил Шел.

Лиора оставила строку пустой.

— Пока я. Если останется только моё имя, порядка не будет.

Она разрежала шнур на отдельные отрезки. Каждый желающий выслушивал формулу, предлагал поправку и, если соглашался, привязывал свой отрезок к краю дощечки. Шнуры не соединялись между собой. Так Тала обманула немую статью в нижнем ходе, но Лиора не хотела оставлять это уловкой. На обороте она записала имена всех участников и слова, которые каждый изменил.

Первая поправка пришла от Мерры:

— Никакого наказания не только за уход. За отказ отдать камень тоже.

Лиора записала.

Сава Нор добавил:

— И отказ одного человека нельзя скрыть под согласием семьи.

Записала.

Старый каменщик Олсен Рах, чей дом управа пыталась пересадить, долго молчал, затем сказал:

— Если решение уже отдано и дом вырос, назад камень не вытащишь. Но можно потребовать, чтобы новое использование не приписывали прежнему человеку.

— Например?

— Я отдал решение остаться на своём месте. Не решение строить здесь дворец. Если мой дом когда-нибудь разберут, обломок нельзя назвать моим согласием на дворцовую стену.

Лиора почувствовала, как корневая печать отзывается тёплой болью. Она много лет следила, чтобы один обломок не использовали дважды. Но не всегда записывала предел решения словами дарителя. Садовники полагались на рисунок роста. Теперь этого было мало: тот, кто умел толковать рисунок, получал власть расширять чужое согласие.

— Это войдёт отдельным правилом, — сказала она. — Решение расходуется только на названную цель. Остаток камня не становится новым согласием.

— А если цель изменилась по дороге? — спросила женщина из Гончарного двора.

Лиора вспомнила собственный чертёж площади.

— Тогда рост останавливают и спрашивают снова. Если спросить нельзя, камень возвращают в нейтральное хранение. Не используют по догадке.

— Кто хранит?

Вот здесь её план снова упирался во власть.

— Не знаю, — честно ответила Лиора. — Питомник умеет хранить. Но это не даёт питомнику собственности. Нужны свидетели не из числа садовников.

— По одному от каждого квартала, — предложил Шел.

— Тогда большие кварталы будут решать за маленькие, — возразила Мерра.

— По одному от каждого камня, — сказала Тала. — Даритель сам называет свидетеля. Если решение общее, каждый участник вправе назвать своего.

— Получится гора записей, — заметил писарь управы, стоявший у ворот.

Люди повернулись к нему, и общее движение тут же рассыпалось. Кто-то забыл, почему сердится; кто-то продолжил смотреть по привычке.

Писарь воспользовался заминкой.

— Коронная опись существует именно затем, чтобы не плодить частные толкования. Садовница Вей не вправе вводить новый порядок оборота дворцового камня.

— Я не ввожу закон, — сказала Лиора. — Я называю условия, на которых соглашаюсь работать как садовница.

— Вы служите коронному объекту.

— Я не приносила такой клятвы.

— Регент назначил вас смотрительницей.

— Без моего согласия.

Слово отозвалось в корнях питомника. Камни под навесами тихо щёлкнули, будто десятки запертых семян одновременно повернулись во сне.

Писарь тоже услышал.

— Отказ от обязанностей будет внесён в донесение.

— Внесите точные слова: я продолжаю укреплять существующие дома и устранять опасность. Новые обломки принимаю только с названным автором, пределом решения, правом отказа и свидетелем, которого выбрал даритель.

— Тогда с этой минуты вам закрыт коронный питомник.

Он достал зелёную ленту с печатью управы и протянул её между столбами дальнего навеса.

За лентой лежали плиты зимней галереи, синеватый камень купален, способный собирать влагу, и тонкие арки музыкального двора, которые отзывались на шаги и предупреждали об обвале. Редкие обломки, без которых Лиора не могла осуществить половину задуманного.

Она ожидала угрозы. Не ожидала, что потеря окажется такой телесной.

Будто ей связали рабочую руку.

Перед глазами встали планы: тёплый зал до заморозков, водосбор Медников, безопасный переход через провал. Не дворцовые прихоти — нужные вещи. Писарь это понимал. Потому и выбрал правильную цену.

— На каком основании? — спросила Тала.

— До установления правомочного получателя редкие обломки находятся под коронной охраной. Садовница только что оспорила своё право распоряжаться ими.

Он повторил её собственный вывод и превратил его в оружие.

Лиора могла сказать, что временная необходимость важнее. Могла принять плиты, вырастить полезные здания, а потом разбираться с именами. Именно так город жил много лет: сначала спасали, затем забывали спросить, кого сделали материалом спасения.

— Верно, — сказала она. — Я не буду брать их, пока право не установлено.

Мерра выругалась вполголоса.

— Водосбор?

— Придётся строить из обычного камня и дерева. Он будет меньше.

— И замёрзнет раньше.

— Да.

— Ты могла хотя бы закончить его.

— Могла.

Лиора заставила себя не объяснять. Мерра имела право сердиться на цену её решения. Правильное правило не делало холод теплее.

— К зимней галерее вернёмся, когда найдём авторов передачи, — сказала Лиора. — Или их правомочных наследников, если решение допускает наследование.

Писарь усмехнулся:

— За сто сорок лет?

— Тогда плиты останутся неиспользованными.

— Очень полезно для города.

— Полезность не создаёт согласия.

Она произнесла это достаточно громко, чтобы услышал каждый по отдельности.

Писарь закрепил на ленте восковую печать и ушёл. Двор молчал. Даже корни под навесами затихли.

Первой заговорила женщина из Гончарного двора:

— У меня есть четыре печных кирпича из старой красильни. Мать решила разобрать её после пожара, но разрешила строить только там, где не будут запирают работников на ночь. Я раньше не говорила. Думала, это лишняя семейная история.

— Не лишняя, — сказала Тала и пододвинула чистую дощечку.

Сава Нор принёс из дома маленький осколок порога. Решение в нём принадлежало его брату — тому самому, кто отказался оставаться с семьёй.

— Я хотел отдать его для второго этажа, — признался Сава. — Раз он ушёл, думал, камень всё равно наш.

— А что решил брат? — спросила Лиора.

— Что может покинуть дом, даже если мы остаёмся.

— Тогда этот обломок умеет выращивать выход. Не второй этаж.

Сава повертел камень в ладони.

— Можно сделать дверь в общем ночлеге.

— Если брат согласится на эту цель.

— Найду его.

К вечеру на столе лежало тридцать семь записей. Не камней — записей о праве на них. Некоторые люди унесли обломки обратно. Две семьи поссорились, выясняя, кто именно принял решение. Три передачи пришлось отложить, потому что свидетель был выбран садовником, а не дарителем. Зато у каждого принятого камня появился предел.

Лиора переписала порядок начисто:

«Обломок решения принимается только от человека, который имел право решить. Его имя не заменяется должностью, семьёй, кварталом или пользой.

Цель передачи называется словами дарителя. Садовник вправе объяснить риск и отказаться от опасной работы, но не расширяет цель.

Отказ не влечёт наказания и не передаёт камень хранителю.

Свидетеля выбирает даритель. При общем решении записываются согласие и предел каждого.

Изменение цели требует нового согласия. Молчание, отсутствие и забытое имя согласием не считаются.

После роста остаток обломка не служит доказательством нового решения».

Под текстом не было строки «Автор». Вместо неё шли тридцать семь имён и место для следующих.

Когда последний человек привязал шнур, серая тяжесть во дворе ослабла. Люди всё ещё не могли легко действовать втроём, но теперь понимали, что создало их общее действие: не дозволение далёкого хранителя, а отдельные названные согласия на одну ограниченную цель.

Они не победили статью. Они научились не отдавать ей пустое место.

Мерра подошла к красной ленте коронного навеса.

— Я всё ещё злюсь из-за водосбора.

— Знаю.

— И если дети будут таскать лёд из канала, напомню тебе.

— Напомни.

— Но кухонный камень Медников запиши первым по новому порядку.
Лиора взяла чистую дощечку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.